

ДИСКУСІЇ

Константин Цукерман

О Правде русской

І. По стопам Алексея Толочко

Даже на фоне поражающей стороннего наблюдателя традиционности российско-украинской историографии Киевской Руси область изучения *Правды русской* представляется неким заповедником, где остановилось время. Это впечатление связано, конечно, и с тем, что два последних по времени публикации монографических исследования памятника вышли в свет смертно, десятилетия спустя после их завершения¹. Однако и до, и после этих публикаций большая часть работ, посвященных *Правде русской*, состояла и состоит из учебных пособий и из разделов общих курсов и хрестоматий. Вышедший под редакцией Б.Д. Грекова монументальный трехтомник *Правда Русская*² ознаменовал собой прогресс в освоении рукописной традиции памятника, но том комментарий в нем очень необычен: не предлагая собственного синтеза, издатели ограничились выборкой цитат из работ комментаторов, начиная с В.Н. Татищева. Таким образом, их труд явил собой скорее сумму накопленных знаний, нежели некий прорыв вперед³.

1 Білецький Л. *Руська Правда й історія її тексту*. За редакцією Ю. Книша. Українська Вільна Академія Наук в Канаді. Вінніпег, 1993; Зимин А.А. *Правда Русская*. М., 1999.

2 *Правда Русская*. Под редакцией Б.Д. Грекова. М., 1940 (т. I: тексты), 1947 (т. II: комментарий), 1963 (т. III: факсимильное воспроизведение рукописей).

3 Отмечу для полноты картины, что две недавно опубликованные немецкие монографии о *Правде русской* (Baranowski G. *Die Russkaja Pravda—ein mittelalterliches Rechtsdenkmal*. Frankfurt am M. [usw.], 2005; Jochim E. *Russkaja Pravda: die älteste Rechtskodifikation der Ostslaven*. Regensburg, 2005) носят столь же обзорный характер. Подробнейший библиографический обзор Яна Кнофа (Knoph J.T. *Den ros'ka rättens rötter: en historiografisk studie av åsikterna om den ryska rättens ursprung* [The origins of the Russian truth: a study in historiography from Peter the Great to Yeltsin]. Universitetet Uppsala, 1994) — диссертация, изданная небольшим тиражом Упсальским университетом — мне остался, к сожалению, недоступен. Это тем более прискорбно, что по свидетельству Е. Йохим, труд Кнофа, «eine anzuerkennende Leistung», разбирает работы почти двухсот исследователей, распределенных по царствам (генеральным секретарствам, президентствам и т.п.) и тем самым поставленных в идеологический контекст своего времени; в ней же впервые выявлен специфический подход к изучению текста со стороны историков-женщин, коих обнаружилось ровно пять (Jochim E., *ibid.*, 33-34).

Историография советского периода привнесла в изучение памятника поиски классовой борьбы и воинствующий анти-норманизм, но это далеко не всегда способствовало более четкому пониманию содержания и истории сложения текста.

Краеугольным положением в традиционном подходе к *Правде русской* являлось признание приоритета так называемой *Краткой Правды (КрП)*, сохранившейся лишь в составе статьи за 1016 г. *Новгородской I летописи младшего извода (НЛЛ мл.)*, по отношению к *Пространной Правде (ПрП)*, известной более чем в сотне списков. Исследователи древнерусского летописания проявили немало остроумия, чтобы показать, каким образом *КрП* проникла в новгородскую летопись если не в начале XI в. (в некоей гипотетической ранней форме), то уж не позже 60-х гг. XII в., а исследователи собственно Правды столь же остроумно разъясняли, хоть и не вдаваясь в детали, как *КрП* претворилась в *ПрП*. Именно на это положение покусился А. Толочко⁴. В небольшой монографии, воспроизводящей с поправками и дополнениями по-русски аргументацию статьи, вышедшей ранее по-английски⁵, он выдвинул идею о том, что *КрП* является всего лишь вытяжкой из *ПрП* и что создал ее новгородский летописец начала XV в. с целью включения в редактируемую им *НЛЛ мл.* Вся историю памятника предлагалось, таким образом, переосмыслить заново.

Признаюсь сразу, что при всем моем стремлении к новизне я буду вынужден оспорить наиболее революционное положение А. Толочко, касающееся вторичности *КрП*. Напротив, идея позднего появления этого текста в *НЛЛ мл.* мне кажется весьма плодотворной. Однако и та часть аргументации автора, что мне представляется спорной, содержит немало ценных наблюдений, а еще она полезна и тем, что ее критический разбор заставляет более пристально присмотреться к традиционной схеме развития текста, которая, в свою очередь, зачастую оказывается неожиданно уязвимой. В самом деле, привычность традиционной конструкции не заменяет доказательность.

Эти предварительные замечания определяют построение предлагаемой работы. Еще одного обзора литературы читатель в ней, понятное дело, не найдет. Я начинаю с вопроса о проникновении *КрП* в новгородскую летопись, который необходимо поставить заново в свете новейших работ о новгородском летописании. Затем я предлагаю ряд соображений о природе *ПрП*, а также о времени и условиях ее возникновения, которые, не скрою, идут вразрез с историографической традицией последних поколений. Глава, посвященная разбору *КрП*, завершает мою работу.

4 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской: происхождение текста* (Ruthenica. Supplementum 2). К., 2009.

5 Tolochko O. The Short Redaction of Pravda Ruskaia: A Reconsideration. *Palaeoslavica*, 15/1, 2007, 1-56.

II. Правда руская в составе новгородской летописи

Один из основных упреков А. Толочко⁶ в адрес исследователей *КрП*, как историков права, так и просто историков, состоит в том, что они рассматривают текст как «самостоятельный юридический документ», вне его летописного контекста. Упрек этот несправедлив, в особенности в отношении работ, созданных за последнее столетие: не только датировка, но и общее осмысление *КрП* в значительной степени определяются ее местом в новгородской летописи. В этой связи идея А. Толочко, что *КрП* впервые попадает в летопись — причем, не только в новгородскую, что уже высказывалось, но и в летопись вообще — в ходе редакционной переработки владычной летописи в первой половине XV в., приобретает особый интерес. Учитывая предложенные автором наблюдения, попытаемся уяснить процесс внедрения *КрП* в *НЛЛ* мл. в качестве некоей хартии новгородских вольностей, пожалованной князем Ярославом Мудрым.

«Грамоты Ярославли» впервые упоминаются в *НЛЛ* в описании бурных событий 1228 г., когда новгородцы, пытаясь в очередной раз примириться с князем Ярославом Всеволодовичем, шлют к нему гонцов с призывом: «поеди к намъ ... на всѣи воли нашей и на всехъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь; или ты себе, а мы себе»⁷. Сговориться им на сей раз не удастся, и на место Ярослава прибывает в начале 1229 г. из Чернигова князь Михаил Всеволодович, который «цѣлова крестъ на всѣи воли новгородьстѣи и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ»⁸. Когда же князь Ярослав вернулся в 1230 г. в Новгород, он собрал вече «и цѣлова святую Богородицу на грамотахъ на всѣхъ Ярославлихъ»⁹. Летописные формулировки не оставляют сомнения в том, что Ярослав Всеволодович целует крест не на собственных грамотах-докончаниях с Новгородом (как предполагает было А. Толочко¹⁰), а, как и принято считать, на грамотах, воплотивших волю новгородскую, своего далекого предка Ярослава Владимировича¹¹.

Ссылка на те же грамоты вновь появляется в летописи более столетия спустя, в обоснование отказа новгородцев выплатить «другой выход» московскому князю Ивану Калите: «и они ркоша: “того у насъ не бывало от начала миру, а ты цѣловаль крестъ к Новугороду по старои пошлинѣ нов-

6 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 13-14.

7 *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова, М., Л., 1950, 67, стр. 273.

8 *НЛЛ*: 68, стр. 274.

9 *НЛЛ*: 70, стр. 278: «на всѣх грамотах Ярославлих и на всен волѣ новгородчкои».

10 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 105-106.

11 Напр.: Янин В.Л. *У истоков новгородской государственности*. Великий Новгород, 2001, 3-5; Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 109.

городчкои и по Ярославлимъ грамотамъ»¹². Как отмечает А. Толочко¹³, *Софийская I летопись* привносит уточнение: «по грамотам прадѣда своего великаго князя Ярослава Вѣлодимерича»¹⁴, но нет сомнения, что и владычный летописец, изначально составивший статью за 1339 г., также имел в виду грамоты Ярослава Мудрого. Выясняется, что эти грамоты определяли размер или принципы выплаты дани, положенной князю от Новгорода.

Каким образом возникают в Новгороде не позже начала XIII в. грамоты, приписываемые (или принадлежащие) Ярославу Мудрому, и как они потом исчезают, я сказать не берусь. Да это и не наша тема. Очевидно, однако, что в тот период времени, когда князья целовали на этих грамотах крест Новгороду, новгородская летопись не содержала в себе *КрП*. В самом деле, невозможно заподозрить, что этот несуразный текст служил для принесения присяги, а сосуществование различных грамот Ярослава в политической практике и в летописи города неправдоподобно. *КрП* вводится в летопись тогда, когда грамот, реально исполнявших политическую функцию, в городе уже нет и ощущается потребность их таким образом восполнить.

Приведенные соображения были очевидны для А.А. Шахматова¹⁵. Он сознавал, что покуда некая грамота Ярослава, «определявшая те или иные вольности новгородские, ... хранилась в Новгороде как святыня», наличие *КрП* во владычной летописи было исключено¹⁶. В летопись изначально входила Ярославова грамота 1016 г.— она-то якобы и дала толчок к развитию новгородского летописания, став ядром древнейшей «Иоакимовской летописи», идею которой Шахматов воспринял от В.Н. Татищева, — а *КрП* подменила ее лишь четыре с лишним столетия спустя, в Москве, при создании постулированного Шахматовым общерусского свода 1423 г. М.Д. Приселков¹⁷, в целом следуя за Шахматовым, попытался закрыть лауну в построении своего учителя и вос-

12 *НПЛ*: 350.

13 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 109.

14 *Софийская первая летопись старшего извода* (ПСРЛ VI, вып. 1). М., 2000, 411.

15 Шахматов А.А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908 = Шахматов А.А. *История русского летописания*, т. I: *Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды*, кн. I, СПб., 2002, 338-339, ср. 156.

16 Противоположную позицию занял недавно Т.В. Гимон, определяя грамоты летописную и крестоцеловальную как «разные временные срезы одной и той же традиции» (Гимон Т.В. События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях. *Древнейшие государства Восточной Европы, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства*. М., 2012, 687). Иными словами, новгородцев не смущало, что летописная грамота Ярослава (*КрП*, якобы введенная в летопись Германом Воятой) и те его грамоты, на которых приносили присягу князья, ничего общего между собой не имели.

17 Приселков М.Д. Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской правды». По поводу выхода академической «Правды русской» под редакцией акад. Б.Д. Грекова. М., Л., 1940. *Исторические записки*, 16, 1945, 241.

полнить недостающую раннюю историю *КрП*. По мнению Приселкова, Матвей Кусов, создавая в первой четверти XV в. «Софийский Временник», вставил *КрП* в статью за 1016 г., а обнаружил он ее якобы в приложениях к некоему «Киевскому своду XIII в.», который был ему доступен в Новгороде. Наконец, позицию Шахматова поддержал С.В. Юшков¹⁸. Он подчеркнул, что *КрП*, являясь «сборником преимущественно уголовного права», никак не могла изначально фигурировать в летописи как некая хартия новгородских вольностей. Ничего специфически новгородского исследователь в *КрП* не находил и считал, что она не возникла, но лишь сохранилась в Новгороде, а в летопись попала в середине XV в.

Однако, несмотря на авторитет Шахматова, предложенная им схема не получила всеобщего признания. По мере того как за *КрП* укреплялась репутация памятника издревле новгородского, идея о ее проникновении в новгородскую летопись через посредство позднего московского или, на худой конец, киевского свода становилась все менее приемлемой. И.А. Стратонов¹⁹, чья работа мне осталась, к сожалению, недоступной, высказал впервые предположение о том, что именно *КрП* в своей постулируемой древнейшей форме («Правда Ярослава») ложится в 1017 г. в основу новгородского летописания, затем дополняется в шахматовской «летописи 1050-х гг.» некоей «Правдой Ярославичей 1036 г.» и, наконец, сводится под влиянием *ПрП* в единый текст в своде 1167 г.²⁰ Со сводом 1167 г. изначально связывал появление *КрП* в новгородской летописи и М.Н. Тихомиров²¹, но, как верно отметил А.А. Зимин²², «цепь рассуждений М.Н. Тихомирова ... полна неопределенностей», и воспроизводить ее я не стану, так как сам Тихомиров²³ в конце концов признал, «что первоначально *Краткая Правда* в составе новгородской летописи не находилась и была включена в нее лишь позднее, может быть, в XV в.». Сам же Зимин тоже создал конструкцию вовсе не простую: *КрП* якобы впервые попадает в летопись в Киеве при создании шахматовского Начального свода 1093 г., а затем, вычищенная оттуда одним из редакторов *ПВЛ*, переключивается в новгородский свод 30-х годов XII в.²⁴ Свод этот, однако, настолько гипотетичен, а в целом аргументация Зимина столь суммарна, что пользы от ее разбора мы не почерпнем.

18 Юшков С.В. *Русская Правда: происхождение, источники, ее значение*. М., 1950, 31-33.

19 Стратонов И.А. К вопросу о составе и происхождении Краткой редакции Русской Правды. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*, 30/4, 1920, 33-39.

20 Цит. по: Свердлов М.Б. *От Закона Русского к Русской Правде*. М., 1988, 14.

21 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов*. М., Л., 1941, 40.

22 Зимин А.А. *Правда Русская*, 37.

23 Тихомиров М.Н. *Источниковедение истории СССР*. Вып.1. *С древнейшего времени до конца XVIII века*. М., 1962, 60.

24 Зимин А.А. *Правда Русская*, 39-51.

Любопытную работу о *КрП* опубликовал Н.Н. Гринев²⁵. Автор подметил, что одна и та же вводная формула «а се...» используется в *НЛЛ мл.* как в статье за 6497/989 г. при внесении списков светских и церковных властителей («А се по святомъ крещении, о княжении киевьстѣмъ»; «А се в Новѣгородѣ»; «А се рустѣи митрополиты»; «А се новгородчкыи архиепископы»), так и в статье за 6524/1016 г. для введения самой *Правды русской* («А се есть правда рускаа») и двух из ее разделов («А се поконъ вирный»; «А сеи урокъ мостъником»). Из этого он заключил, что один и тот же летописец, а именно Герман Воята, составитель свода 1167 г., внес указанные списки в летопись, а также сложил *КрП* из четырех отдельных документов (предполагается, что в заголовке второго документа, «Правды Ярославичей», формула «а се...» утеряна). Н.Н. Гринев привел ряд наблюдений и по содержанию *КрП*, доказывая ее исконную связь с Новгородом, каковую я вовсе не оспариваю. Здесь же лишь укажу, что основное построение Гринева оказывается на поверку очень шатким. Формула «а се есть» в заголовке *КрП* является очевидным дополнением *Коммиссионного списка НЛЛ мл.*: она отсутствует не только в *Академическом списке*, но и в *НЛЛ* (см. ниже). Предполагать утерю в заголовке «Правды Ярославичей» никаких оснований нет. Главное же — исследователь не учел, что формула «а се...» фигурирует и в *ПрП*, где она также вводит Покон вирный и Урок мостникам, равно как и целый ряд других статей («А се уроци скоту»; «А се уставиь Володимѣръ Всеволодичь»; «А се наклады», «А се о борти», и т.д.)²⁶. Поскольку Гринев²⁷, как и все сторонники тесной преемственности между *КрП* и *ПрП*, признает, что создатель *ПрП* «пользовался списком Правды Русской земли, не зависящим от текста, приведенного в *НЛЛ*», становится очевидным, что формула «а се...» не является специфической чертой, обретенной *КрП* в новгородской летописи, а характерна для *Правды русской* как таковой. Частое употребление формулы «а се...» в *ПрП* также показывает, что она не может служить показателем составного характера текста памятника и его изначального деления.

Последним к вопросу о месте *КрП* в *НЛЛ мл.* обратился А.А. Гиппиус²⁸. Он возводит, вслед за Шахматовым, сообщение о вручении новгородцам князем Ярославом «грамоты» и «устава» к новгородской летописи XI в., однако рассматривает, вслед за Стратоновым и Гриневым, первые главы *КрП*

25 Гринев Н.Н. Краткая редакция Русской правды как источник по истории Новгорода XI в. *Новгородский исторический сборник*. 3 (13), 1989, 20-42.

26 *КрП* и *ПрП* цитируются по изданию: *Правда Русская*. Под ред. Б.Д. Грекова. Т. I: *Тексты*. М., 1940, 70-73 (Академический I список *КрП*), 105-117 (Троицкий вид Синодально-Троицкой группы *ПрП*).

27 Гринев Н.Н. Краткая редакция Русской правды как источник, 25.

28 Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. *Новгородский исторический сборник*. 6 (16), 1997, 60-63.

как изначально самостоятельный документ, тот самый, что вручил новгородцам Ярослав. В результате складывается следующая реконструкция. Грамоту Ярослава, легшую в 1016 г. в основу новгородской летописи, и даже самое упоминание о ней устраняет столетие спустя «составитель княжеского свода Всеволода», так как новгородцы связывали с ней «свои притязания на политическую самостоятельность». Так возникает статья за 6524/1016 г. в той форме, в какой она читается в *НЛЛ ст.* (где, как известно, *КрП* отсутствует). Герман же Воята восстанавливает в 1167 г. и упоминание, и грамоту, при этом значительно ее расширяя: он прибавляет к «Древнейшей Правде» еще три юридических документа и создает знакомую нам *КрП*. Мне уже приходилось обосновывать в печати мое несогласие с основными посылками этого анализа. Идею о зарождении новгородского летописания в XI в. я считаю неверной и полагаю его начало в середине 20-х гг. XII в. при князе Мстиславе; тот вид статьи 6524/1016 г., что читается в *НЛЛ ст.*, я признаю за изначальный и возвожу его к древнейшему Сказанию 1016/7 г.²⁹ Не возвращаясь подробно к уже сказанному, добавлю одно замечание, прямо касающееся нашей темы. Адаптированный А.А. Гиппиусом сценарий мог претендовать на некое правдоподобие, покуда под грамотой князя Ярослава подразумевался документ отличный от *КрП*, реально определявший новгородские вольности. Однако я затрудняюсь вообразить, как могли новгородцы формулировать какие бы то ни было «притязания на политическую самостоятельность» на основе первых 18-и глав *КрП* и зачем бы их понадобилось устранять.

А. Толочко вернулся к основной идее Шахматова, пребывавшей в небрежении более чем полстолетия. Не могу не отметить с сожалением, что он весьма несправедлив по отношению к своему именитому предшественнику. Как же можно утверждать, что *КрП* обязана Шахматову своей репутацией древнего законодательного памятника, что «знаменитый филолог, как известно, одной из существеннейших своих задач полагал объяснить, как *КрП* попала в состав летописи, когда это произошло и почему ни один из летописных сводов ранее *НЛЛ мл.* не сохранил ее текст», и, наконец, что «его схема летописания, среди прочего, создавалась в расчете на такое объяснение»³⁰? Шахматова *КрП* не интересовала, верил ли он в ее древность — вопрос, и уж во всяком случае, никакого связного изложения истории ее бытования в летописи он, как мы видели, не предложил. Более того, представления Шахматова об утерянных летописных сводах первой половины XV в. были столь радикально пересмотрены, что и те краткие замечания, которые он посвятил *КрП*, пожалуй, потеряли актуальность.

29 Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи. *Collectanea borisoglebica* = *Борисо-Глебский сборник*, éd. С. Zuckerman. Вып. 1. Париж, 2009, 259-265.

30 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 46.

Однако было бы неверно утверждать, что А. Толочко просто возвращается на позиции Шахматова. В обоснование идеи о позднем проникновении *КрП* в летопись он добавляет новый важный аргумент. Комментируя наказ Ярослава, предваряющий текст *КрП* в *НЛЛ мл.*: «по сеи грамотѣ ходите», А. Толочко указывает, что подобная формула впервые появляется в грамотах митрополита Киприана 1391 и 1395 гг., а затем в *Двинской уставной грамоте* 1397/8 г., составленной в канцелярии московского князя³¹. Еще столетие спустя она фигурирует в грамотах великого князя Ивана III, а вот более ранних употреблений выявить не удастся. Независимо от того, был ли Киприан создателем этой формулы, как осторожно предполагает А. Толочко, или не был, хронологические границы ее бытования определяются достаточно четко. Из сказанного вытекает капитальная поправка к схеме Шахматова. Канцелярская формула, которая впервые появляется в источниках в последнем десятилетии XIV в., вряд ли могла использоваться князем Ярославом, да и приписывать ее Герману Вояте было бы рискованно³². В таком случае не только *КрП*, но и вообще какая бы то ни было грамота Ярослава до первой половины XV в. в новгородскую летопись не вносилась. Более того, точно та же формула, что и в статье 6524/1016 г., фигурирует в *НЛЛ мл.* в списке новгородских князей в статье 6497/989 г.: «И писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: по сеи грамотѣ ходите»; текст грамоты здесь, однако, не приводится. Как верно отмечает А. Толочко, тогда и список новгородских князей в его дошедшей до нас в летописи³³ и вне летописи³⁴ форме следует также датировать началом XV в.

Позволю себе краткое отступление о составе статьи за 6497/989 г. После короткого рассказа о крещении Новгорода эта статья состоит в основном из списков, первый из которых, перечень князей киевских, завершается на Ростиславе Мстиславиче (+17 марта 1167 г.). Еще Шахматов связывал составление этого списка с деятельностью Германа Вояты, радикально переработавшего в том же 1167 г. владычную летопись; тогда же был составлен в своей первоначальной форме и список князей новгородских³⁵. Однако дает ли нам это основание признать за личный вклад Германа «написание статьи 6497 г., состоящей из повествователь-

31 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 54–56.

32 Напротив, по мнению Т.В. Гимона, «речь может идти о формуле, хорошо известной новгородской устной традиции» XI–XII вв.: Гимон Т.В. События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях, 689. Никаких доказательств тому автор не приводит, а сама идея, что предписание руководствоваться письменным текстом происходит из устной традиции, причем столь ранней, мне кажется парадоксальной. О реконструкции, предложенной Гимоном, процесса появления в летописи грамоты Ярослава, ср. ниже, прим. 63.

33 *НЛЛ*: 161.

34 *НЛЛ*: 470.

35 Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи, 47.

ной части, основанной на Новгородском своде XI в. (рассказ о крещении Новгорода), и из списков киевских и новгородских князей, русских митрополитов, новгородских архиепископов, русских епископий и новгородских посадников, составленных самим сводчиком»³⁶? Подобный вывод заходит слишком далеко. Рассказ о крещении Новгорода начинается с разительного анахронизма: Владимир посылает туда иерарха в сане архиепископа. В XI в. никто подобного написать не мог. Перечень же архиепископов в *НЛЛ мл.* представляет собой переработку того изначального перечня, который возник во второй четверти XIV в. и дошел до нас в конвое, а не в составе летописного текста³⁷; недавняя попытка выявить в этом перечне древний слой и связать его с гипотетическим сводом и перечнем 1090-х гг.³⁸, на мой взгляд, вескими аргументами не подкреплена. В весьма небрежно составленном списке митрополитов киевских отсутствует, в частности, Феодор, современник Германа. Выделить в этом списке некий ранний страт никто, насколько я знаю, не пытался. Таким образом, списки, собранные в статье за 6497/989 г., возникали одновременно и формировались вне летописи, а в текст ее вошли — в самом неподходящем месте и оставив разительный шов, повтор даты «в лѣто 6497» — не ранее стадии редакционных обработок владычной летописи, приведших к созданию протографа *НЛЛ мл.*, в первой четверти XV в.³⁹ Любопытно, что писец, создавший в начале 1430-х гг. протограф *Троицкого списка НЛЛ мл.*, подобное нововведение не поддержал и все эти выпадающие из летописного контекста списки напрочь устранил.

Для нас, однако, основной вопрос в другом: на каком же этапе сложения поздненовгородского летописания в него проникает *КрП*? А. Толочко не занимает однозначной позиции в этом вопросе⁴⁰. Опираясь на схему развития владычного летописания в XIII–XV вв., предложенную Т.В. Гимон⁴¹, он склонен считать более первоначальной версию Новгородско-Софийской группы летописей о выдаче Ярославом двух грамот Новгороду (см. ниже). Однако он не считает «безнадежной» и обратную гипотезу об изначальности версии *НЛЛ мл.*, по которой городу выдается лишь одна грамота, принявшая форму *КрП* (см. выше). Эти колебания, возможно, связаны с неординарной позицией автора по вопросу сложения текста *НЛЛ мл.*

36 Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи, 63.

37 Хорошев А.С. Летописные списки новгородских владык. *Новгородский исторический сборник*. 2 (12), 1984, 127–142.

38 Гимон Т.В. События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях, 606–613, 655–657.

39 Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. *Летописи и хроники*, 1980 г. М., 1981, 159.

40 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 107–110.

41 Гимон Т.В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: Разночтения между списками Новгородской I летописи. *Труды Отдела древнерусской литературы*. 57, 2006, 112–125.

Вслед за Т. Вилкул⁴², А. Толочко полагает, что этот текст в своей ранней части был создан неким новгородским летописцем за счет творческого сокращения *ПВЛ*. Не он ли самый, творчески сократив *ПрП*, создал и *КрП*? Однако как найти для него место в дискутируемых ныне схемах развития новгородского летописания первой половины XV в.? Оставляя решение этих вопросов авторам концепции, я попытаюсь проследить динамику внедрения *КрП* в летопись в рамках более конвенциональных представлений о ее сложении, каковые постараюсь для наших целей несколько упорядочить и упростить.

По наблюдениям А.А. Гиппиуса, новгородская владычная летопись наращивалась на протяжении XIII–XIV вв. за счет добавления годовых статей, но ни разу не переписывалась⁴³. На рубеже XIV и XV вв. летопись переносится на бумагу, и начинается полоса ее интенсивного редактирования. По схеме, предложенной Т.В. Гимон, за первую треть XV в. летопись переписывается трижды: созданию протографа *НЛЛ мл.* предшествуют два промежуточных этапа, Y и X⁴⁴. Идея о столь частом копировании летописи в этот краткий промежуток времени вряд ли может быть совмещена с наблюдениями А.Г. Боброва (ниже), но в этом и нет надобности. Выделение этапа Y представляется Гимону необходимым из-за двух гаплографических пропусков в статье 6722/1214 г. в *НЛЛ мл.* и *Тверском сборнике*, которые отсутствуют в *НЛЛ ст.* Долго было бы пересказывать аргументы автора, которые я в целом принимаю; напомню, однако, что мне пришлось в ином контексте доказывать, что именно та тетрадь владычной летописи, которая заключала в себе статью 6722 г., была заново переписана в середине 1220-х гг., уже после того как изначальный ее текст был перенесен в «резервную копию» владычной летописи — *Синодальный список*⁴⁵. Оба пропуска, указанные Гимон, я отношу редактору-переписчику тетради, летописцу архиепископа Антония. Предполагать в данном случае переписывание всей летописи никакой необходимости нет.

Предложенное упрощение схемы Гимона позволяет более четко соотнести ее с наблюдениями Боброва. В самом деле, Гимон, датируя этап Y началом XV в., связал с ним существенную редакционную переработку летописи, в частности, включение житийных повестей об Александре Невском и Михаиле Черниговском⁴⁶. Этап X не сопрягается в его схеме

42 Вилкул Т. Новгородская первая летопись и «Начальный свод». *Palaeoslavica*, 11, 2003, 5-35; Вилкул Т. Повесть временных лет и Хронограф. *Palaeoslavica*, 15/2, 2007, 56-116.

43 Гиппиус А.А. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV веков. *Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина*. М., 1999, 345-364.

44 Гимон Т.В. Редактирование летописей в XIII–XV вв. ...

45 Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи, 290-291.

46 Гимон Т.В. Редактирование летописей в XIII–XV вв., 122.

со столь обширным редактированием, но он-то и порождает тот текст, который ложится в основу летописей Новгородско-Софийской группы (НСГ). Бобров, со своей стороны, датирует ответвление НСГ от ствола владычного летописания концом 1411 — началом 1412 г. по нижней дате Первой подборки *Новгородской Карамзинской летописи (НКІ)* и по времени пребывания ее вероятного составителя, игумена Лисицкого монастыря Варлаама, в Троице-Сергиевой лавре⁴⁷. Разделяя этапы Y и X, мы были бы вынуждены датировать оба первым десятилетием XV в. В упрощенной же схеме остается лишь один переходный этап между пергаменной владычной летописью и протографом *НЛЛ мл.*

Гимон не предлагает даты для создания протографа *НЛЛ мл.*, прямого предка дошедших до нас списков⁴⁸. Однако наблюдения Боброва⁴⁹ подводят нас к его датировке концом 1423 — началом 1424 г., временем вступления на кафедру архиепископа Евфимия I. После описания избрания его эфемерного предшественника Феодосия в сентябре 1421 г. в летописи прослеживается шов, который Бобров связывает с цензурной правкой нового владыки. Замена описания событий самых последних лет не потребовала бы переписывания всей летописи, но следует напомнить, что перечень новгородских посадников в статье за 6497/989 г. завершается на Тимофее Васильевиче (ок. 422 г.), перечень митрополитов на Фотии (принят в Москве 22 апреля 1410 г., +1431 г.), а перечень новгородских архиепископов на Симеоне (+1421 г.) и Евфимии (+1429 г.), причем пропуск имени Феодосия свидетельствует о том, что конфликт, приведший к его свержению с кафедры, еще не утратил остроты. Таким образом, есть основание связать появление или пополнение перечней в летописи с ее редактированием в 1423/4 г. Поскольку они вставлены в текст на очень ранней стадии летописного повествования, даже пополнение их было бы затруднительно без того, чтобы летопись была переписана целиком. Теперь нам остается установить, на каком из двух этапов редактирования владычной летописи, ок. 1400 г. или с четверть столетия спустя, в ней появляется *КрП*. На это нам укажет обзор присутствия или отражения *Правды русской* в текстах НСГ.

Вслед за Г.М. Прохоровым, Бобров признает, что составление *НКІ* явилось исходным этапом становления НСГ, и справедливо отмечает, что в *НКІ* новгородский летописец «впервые соединил тексты, относящиеся к новгородской и центральнорусской летописным традициям в одно целое»⁵⁰. На основе *НКІ*, при повторном привлечении *НЛЛ мл.*, возникает ок. 1418 г.

47 Бобров А.Г. *Новгородские летописи XV века*. СПб, 2001, 96-128.

48 Гимон Т.В. Редактирование летописей в XIII–XV вв., 122.

49 Бобров А.Г. *Новгородские летописи XV века*, 86-89.

50 Бобров А.Г. *Новгородские летописи XV века*, 127.

Софийская I летопись (СИЛ), в которой Бобров признает плод творчества московских книжников, перенимая гипотезу об «общерусском», т.е. московском своде 1418 г. митрополита Фотия как о ее непосредственном источнике⁵¹. Получается, что оба памятника возникают одновременно в одной и той же среде, причем основным назначением «свода 1418 г.» было породить *СИЛ*. В пользу гипотезы о подобном «своде», который уже не раз менял название и дату, я не убежден, и, во всяком случае, следуя за Я.С. Лурье⁵², я не вижу причины связывать *СИЛ* с Москвой. Характеризуя гипотетический источник *СИЛ*, «Новгородско-Софийский свод», а по сути саму *СИЛ*, Лурье описывает памятник «бесспорно общерусский, впервые поставивший на всем протяжении тему борьбы за независимость Руси, но вместе с тем защищавший права и традиции отдельных земель и княжеств»⁵³. Новгородские интересы *СИЛ* для Лурье очевидны, но в его представлении «явно общерусский свод» «не может считаться новгородской летописью»⁵⁴. Убедительного разрешения парадокса Лурье не предлагает, но таковым является кратко сформулированное А. Толочко определение *СИЛ* (*см.*) как памятника новгородского летописания⁵⁵. Созданная на базе новгородской компиляции (*НК1*), *СИЛ* вскоре, ок. 1430 г. по Боброву, находит себе применение при составлении *Новгородской IV летописи (НИВЛ)*, в которой вновь используется и *НК1*⁵⁶. Создание *СИЛ* я бы связал с тем же Богородицким монастырем на Лисичьей горе, чьи книжники, по словам Боброва, «успешно преодолевали узконогородскую ограниченность», иными словами, закладывали основы того «общерусского» взгляда на историю, сложение которого напрасно связывают с Москвой⁵⁷. В самом деле, доступный мне материал не дает оснований утверждать, что новгородские наработки были востребованы в московском летописании прежде разгрома Новгорода войсками Ивана III и вывоза рукописей в Москву.

Как бы ни рассматривать предшествующие летописные компиляции, в составлении *НИВЛ* нельзя не признать, вместе с Бобровым, инициативу новгородского владыки Евфимия II (1429-1458), на котором по традиции, насчитывавшей ровно три столетия, возлежала ответственность за городскую летопись. Подобно тому как для изготовления *СИЛ* была создана подборка летописных известий (*НК1*), для изготовления *НИВЛ* создается новая подборка (*НК2*) на базе самой *СИЛ*, очевидно, в виде немного более

51 Бобров А.Г. *Новгородские летописи XV века*, 128-160.

52 Лурье Я.С. *Две истории Руси XV в.* Париж, СПб. 1994, 108-117.

53 Лурье Я.С. *Две истории Руси XV в.*, 109.

54 Лурье Я.С. *Две истории Руси XV в.*, 113.

55 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 104, прим. 229.

56 Бобров А.Г. *Новгородские летописи XV века*, 169.

57 Бобров А.Г. *Новгородские летописи XV века*, 121.

полном, чем протограф двух дошедших до нас списков. Более того, проведенный Бобровым подробный разбор параллельных годовых статей *ННЛ* и *ННЛ мл.* позволяет заключить, что с момента избрания архиепископа Евфимия II в ноябре 1429 г. старая владычная летопись, представленная *ННЛ мл.*, года три не пополнялась, а новые годовые статьи добавлялись к *ННЛ*, ставшей основной летописью Новгорода⁵⁸.

Затем, очевидно в 1433 г., недостающие в *ННЛ* статьи были восполнены по *ННЛ*, а далее обе летописи велись параллельно по 1437 г., причем текст *ННЛ мл.* первичен. Именно в 1433 или 1434 г. с летописи снимается копия, ставшая протографом *Троицкого списка ННЛ мл.*⁵⁹. Как показывает Бобров, после 1437 г. пополнение *ННЛ (ст.)* по *ННЛ мл.* прекращается, а точнее, создается новая версия *ННЛ (мл.)*, в которой годовые статьи, начиная с 1429 г., задним числом приведены в соответствие с *ННЛ мл.* Эта летопись ведется параллельно с *ННЛ мл.* до 1447 г., а потом обе летописи одновременно забрасываются, ибо создается новая версия новгородской истории: *Новгородская V летопись (ННЛ)*, основанная на *ННЛ*, но «в целом ряде текстов возвращающаяся снова к *ННЛ мл.*»⁶⁰. Колебания касательно той формы, в которую надлежало облечься прошлому города, тем более примечательны, что они отражают идейные метания одного и того же «верховного историка» Новгорода — бывшего игумена Лисицкого монастыря, архиепископа Евфимия II.

По графической схеме Боброва, при Евфимии II в роли официальной владычной летописи последовательно сменяются *ННЛ ст.* (1430-1437), *ННЛ мл.* (1438-1446) и *ННЛ* (с 1447 г.)⁶¹, однако данные его анализа, приведенные выше, свидетельствуют о процессе более диалектического характера. Все указывает на то, что после короткого перерыва *ННЛ мл.* вновь обретает статус официальной летописи города и сохраняет его с 1433 по 1447 г. Этим-то и объясняется та вспышка интереса именно к данной версии новгородской летописи, которой мы обязаны ее сохранением. Уже было отмечено точное совпадение во времени восстановления официального статуса *ННЛ мл.* и создания протографа ее *Троицкого списка. Комиссионный список ННЛ мл.* создается в Хутыньском монастыре ок. 1440 г., а шесть лет спустя он там же пополняется по (неполную) статью 1445/6 г. В 1444 г. независимо создается *Академический список ННЛ мл.*⁶². Нет сомнения, что эти копии делаются с официальной летописи города, а не с некоей случайной частной ее редакции.

58 Бобров А.Г. *Новгородские летописи XV века*, 186-192.

59 Бобров А.Г. *Новгородские летописи XV века*, 77.

60 Бобров А.Г. *Новгородские летописи XV века*, 219.

61 Бобров А.Г. *Новгородские летописи XV века*, 242.

62 Бобров А.Г. *Новгородские летописи XV века*, 68-78.

По предложенной раскладке текст *КрП* с его вводной фразой мог попасть в летопись либо на этапе Y (с учетом предложенной мной поправки к схеме Гимона, устраняющей этап X), либо в момент создания протографа *НЛЛ мл.* Ряд соображений выступают, однако, против последней гипотезы; они станут очевидны, когда мы проследим судьбу *Правды русской* в той серии экспериментов, которые характеризуют новгородское летописание первой половины XV в.

На рубеже второго десятилетия XV в. в руки новгородского летописца *впервые* — подчеркиваю это слово для читателя, незнакомого с моей работой 2009 г. — попадает летопись с текстом *Повести временных лет* (ПВЛ). Упоминания грамот князя Ярослава в летописях НСГ полностью определяются контекстами, привнесенными из *ПВЛ*. Именно из нее составитель *НКЛ* узнает, что новгородцы возводили Ярослава на Киевский престол не единожды, а дважды, и что победа Ярослава над Святополком в 1015/6 г., с которой новгородское летописание (*НЛЛ ст. и мл.*) связывало сцену награждения новгородцев, была лишь временной. Поэтому он переносит эту сцену в контекст окончательной победы Ярослава. Описав, вслед за *ПВЛ*, победу в статье за 6527/1019 г., он выделяет описание выдачи наградных каждой категории воинов (по *НЛЛ*) в отдельную статью за 6528/1020 г. После перечисления наград, он приводит фразу, очень сходную с той, что читается в *НЛЛ мл.*: «... дав имъ правду и устав, списав грамоту, ркуще: по сеи грамотѣ ходите; якоже списах вамъ, такоже дръжите»⁶³. Только текста грамоты, *КрП* или иного, за этой фразой не следует. Зато в статью 6544/1036 г., позаимствованную из *ПВЛ*, добавляется известие о еще одной грамоте, пожалованной Ярославом новгородцам при посещении города:

Иде Ярославъ Новугороду, и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту.

И в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ.

Ярославу же сущю Новѣгородѣ, вѣсть приде ему, яко печенѣзи остоятъ Киевь. Ярославъ събра вои многы... (*ПВЛ*: 101).

И иде Ярослав к Новуграду, и посади сына своего Володимира в Новѣградѣ, и епископа постави Жиряту; и людемъ написа грамоту, рекъ:

«По сеи грамоте дайте дань». И бяше хромоног, но умъ бяше добръ в немъ, и храбръ на рати, и христианъ, понеже чтяше самъ книги.

Ярославу же сущю в Новѣградѣ, приде ему вѣсть, яко печенѣзи обьстоятъ Киев. Ярослав же събра вои многы... (*НКЛ*: 63).

63 *Новгородская Карамзинская летопись* (ПСРЛ 42). Ред. Я.С. Лурье, текст подг. А.Г. Бобровым, З.В. Дмитриевой. СПб., 2002, 62.

Таким образом, согласно *НКИ*, новгородцы были обладателями двух грамот Ярослава: конституционной и фискальной (ср. выше о двух функциях «Ярославлихъ грамотъ»). Если первая грамота стала им наградой за поддержку Ярослава против Святополка, то вторая представляется неким авансом за помощь против печенегов, причем авансом, выданным еще до того, как обнаружилась необходимость в этой помощи. Компилятор *НКИ* верно подметил параллелизм обоих походов Ярослава из Новгорода на Киев, но место для вставки выбрал неудачно⁶⁴.

Новгородец-составитель *СИЛ* объединил статьи 6527 и 6528 гг. (чье разделение оправдывалось лишь тем, что они были взяты из разных источников) в одну, за 6527/1019 г., год победы Ярослава. В качестве грамоты, выданной Ярославом новгородцам, он поставил *ПрП*, а за ней еще и *Закон судный людем*. Рассказ о второй грамоте Ярослава он оставил неизменным. От *СИЛ* зависит текст *Тверского сборника*. Примерно 12 лет спустя составитель *НВЛ*, располагавший всей полнотой созданных к тому времени источников, отверг нововведения своего непосредственного предшественника и вернулся к версии *НКИ*. Кое-что он все же добавил и от себя. В конце статьи за 6524/1016 г., описывающей первую победу Ярослава, он приписал «О правдѣ. Правда Рускаа»⁶⁵. Текст ее, однако, ни здесь, ни позже он в свою летопись не внес. Прошло без малого 20 лет, и составитель новой владычной летописи (*НВЛ*), дополнительно заимствуя из *НЛЛ мл.* обширные куски текста, вновь оставил *КрП* за бортом.

Как следует из вышесказанного, *НКИ* и *СИЛ* возникают до создания протографа *НЛЛ мл.* Если предположить, что *КрП* вводится в *НЛЛ мл.* на этапе создания протографа, ок. 1423 г., то придется признать, что это происходит под влиянием *НКИ*, откуда заимствуется вводная фраза, и под влиянием *СИЛ*, откуда заимствуется идея внесения юридического текста в летопись. Но главное даже не в этом. Нам пришлось бы также признать,

64 Совершенно иначе рассматривает этот пассаж Т.В. Гимон (Гимон Т.В. События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях, 688-689), по мнению которого именно *НКИ* сохранила первоначальный текст описания похода Ярослава в Новгород, восходящий к киевскому Начальному своду 1090-х гг., а может быть, и к более раннему его источнику. Исследователь подкрепляет эту оценку наблюдением, что сообщение о рождении Вячеслава читается «похоже, не на своем месте» (хотя почему бы Вячеславу было не родиться во время пребывания его отца в Новгороде?). Получается, что автор *ПВЛ* исказил сообщение своего источника, Начального свода, а создатель Новгородского свода 1090-х гг. (концепт Гимона), якобы пользовавшийся тем же Начальным сводом, и вовсе его выкинул (несмотря на исключительную важность события для новгородской истории, К.Ц.). Только редактор *НКИ*, вновь обратившись к древнему Начальному своду, вернул пассаж на место в его изначальной форме. В дальнейшие детали (о соотношении формулировок «по сеи грамотѣ ходите» и «по сеи грамоте дайте дань») я вдаваться не стану; отмечу лишь пока, что ни реальность Новгородского свода 1090-х гг., ни факт использования некоего киевского свода тех же лет в новгородском летописании не представляются мне не только доказанными, но и сколь-либо правдоподобными.

65 *НВЛ*: 107.

что проводя эту тщательную подборку данных, редактор протографа *НЛЛ мл.* сумел полностью абстрагироваться от всех других дополнений, которыми изобилуют тексты НСГ: о второй победе Ярослава, о второй пожалованной им грамоте и т. д. Подобная гипотеза настолько лишена правдоподобия, что остается лишь признать, что *КрП* уже входила в состав новгородской владычной летописи к 1411 г., когда от нее впервые ответвились тексты НСГ. Таким образом, текст *КрП* попадает в летопись на этапе У, единственном, на котором владычная летопись претерпевает редакционную обработку на всем ее протяжении перед превращением в *НЛЛ мл.*⁶⁶

То место, которое *КрП* занимает — а вернее, не занимает — в летописях НСГ, является наиболее ярким показателем ее вторичности в новгородском летописании. Если бы *КрП* и в самом деле играла в истории Новгорода ту роль, которую ей приписывают историки, можно ли вообразить, что составитель *НКЛ* исключил бы ее из своей подборки, составитель *СЛЛ* заменил бы ее на *ПрП*, а составитель *ННЛЛ*, показав свою осведомленность о том, что в старой владычной летописи в статье 1016 г. фигурировала *КрП*, оставил бы ее текст в стороне? И что, наконец, составитель *НВЛ*, возвращаясь в значительных сегментах текста к версии *НЛЛ мл.*, столь же однозначно дезавуировал бы исконную хартию новгородских вольностей? Очевидно, что *КрП* в новгородском летописании — текст случайный, текст-бастард, назначенный волей позднего редактора на роль хартии Ярослава, но последующими редакторами в этой роли не утвержденный.

III. *КрП* и Закон судный людем

Эта небольшая главка может рассматриваться как приложение к предыдущей. В ней приводится новый, как мне кажется, веский аргумент, подтверждающий положение о том, что поздний новгородский летописец именно нашел и вставил в свою летопись текст *КрП*, а не составил его сам. Искомый аргумент вытекает из рассмотрения текстуальной связи *КрП* с *Законом судным людем* (*ЗСЛ*), а точнее, с той устойчивой юридической компиляцией, в основе которой лежат *ЗСЛ* и *ПрП*.

Вопрос о текстуальном соотношении *Правды русской* и *ЗСЛ* изрядно запутан, как это часто бывает, из-за того, что в литературе продолжают

66 М.Б. Свердлов усматривал указание на вторичность *КрП* в тексте *НЛЛ мл.* в пометках «зри» и «смотри», проставленных на полях в ранней части Академического списка *НЛЛ мл.*: Свердлов М.Б. *От Закона Русского к Русской Правде*, 17-21. Однако, как указал, рассмотрев эти пометки, Т.В. Гимон, подобная их интерпретация далеко не очевидна: Гимон Т.В. Пометы в рукописях Новгородской I летописи. *Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении*. М., 2011, 179-204.

повторяться оценки ученых, не обладавших всей полнотой доступных нам ныне сведений о рукописной традиции обоих памятников. Также не способствует ясности расплывчатость некоторых формулировок. Когда К.А. Максимович пишет об «определенном сходстве» или «переключке» между статьями *ПрП* и *Пространной редакции (ПР) ЗСЛ*, когда он указывает, что одна статья «почти идентична» другой⁶⁷, то имело бы смысл параллельно сопоставить тексты и наглядно продемонстрировать их сходство. Я же усматриваю в названных статьях лишь общие смысловые аналогии, неизбежные в текстах сходного характера, а никаких конкретных точек соприкосновения, иными словами текстуальных заимствований в том или ином направлении между *ЗСЛ* и *ПрП* я не нахожу. Напомню, что *ПР ЗСЛ* возникла на русской почве за счет прибавления к содержанию древнейшей *Краткой редакции статей* из разных источников, которые, по мнению компиляторов, могли с пользой пополнить не столько сам *ЗСЛ*, сколько в целом ту подборку юридических текстов, частью которой он являлся. Поскольку *ПрП* являлась неизменным компонентом этой подборки, компиляторам явно казалось излишним пополнять два столь тесно связанных памятника один за счет другого.

С *КрП* дело обстоит иначе. Ст. 18 *КрП* находит себе соответствие в *ПР ЗСЛ*, где дословные совпадения несомненно свидетельствуют о заимствовании текста из одного источника в другой. Интересующая нас статья читается почти во всех списках *Пространной* и *Сводной* (по М.Н. Тихомирову) редакций *ЗСЛ*, соседствующих с *ПрП*, соответственно, Археографической и Карамзинской редакций. Единственным исключением является древнейший *Мусин-Пушкинский список (М-П)* второй половины XIV в., где искомая статья не вставлена в *ЗСЛ*, а приписана в самом конце текста *ПрП*, в форме отличной как от *КрП*, так и от остальных текстов *ЗСЛ*. Упирая на древность и авторитет *ЗСЛ*, а не на конкретные данные текста, такие исследователи как П.Н. Мрочек-Дроздовский и Л.К. Гетц (L.K. Goetz) признавали версию *ЗСЛ* за источник *КрП*; им возражал Н.А. Максимейко, тоже на достаточно общих основаниях⁶⁸. О заимствовании ст. 18 в «Древнейшую Правду» из *ЗСЛ*, «притом в редакции Пушкинского сборника», писал М.Н. Тихомиров, строя на этом важные выводы о ходе сложения памятника⁶⁹, тогда как А.А. Зимин, признавая вопрос «весьма сложным», лишь с колебаниями высказался «в пользу гипотезы о вторичности ст. 18 *КрП*»⁷⁰. Насколько мне известно, все три версии текста никогда подробно не сопоставлялись:

67 Максимович К.А. *Законъ соудьныи людѣмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника*. М., 2004, 82-83, 124.

68 *Правда Русская*. Под ред. Б.Д. Грекова. Т. II: *Комментарий*. М., 1947, 118-120.

69 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов*. М., Л., 1941, 59.

70 Зимин А.А. *Правда Русская*, 58-59, 289-291.

А иже изломить копье, любо щить, любо портъ, а начнетъ хотѣти его деръжати оу себе, то пріати скота оу него; а иже есть изломилъ, аще ли начнетъ примѣтати, то скотомъ емоу заплатити, колко даль боудеть на немъ (*КрП*, ст. 18).

О копыи. Иже изломить копье другу, любо щить, любо портъ, да аще оу себе начнетъ держати, то пріати скота оу него; иже что есть изломилъ, аще ли начнетъ скотомъ примѣтати, ему заплати предъ чядию или начнетъ вѣдати, колко будетъ даль на немъ (*М-П*, в *Русская Правда*, 1940: 292).

Иже кто изломить чюже копье. Иже изломить друогу коpie, или щить, или топоръ, да аще оу себе начнетъ хотѣти дръжати, то пріати ино что оун его; аще ли начнетъ инѣмъ чимъ емоу заплатити предъ чядию, иже начнетъ ведати, колко боудеть даль на немъ (*ПР ЗСЛ*).

Перед тем, как обратиться к содержанию статьи, несколько замечаний формального характера. Текст в колонке справа принадлежит к Археографическому изводу *ПР ЗСЛ* по классификации М.Н. Тихомирова. Версии текста *М-П* и *ПР ЗСЛ* очень близки, причем вторая может рассматриваться как упрощение первой. При этом, конечно, текст *М-П*, который содержит столь очевидные описки как «заплати» вместо «заплатити» и «или» вместо «иже», не мог служить непосредственным источником *ПР ЗСЛ*. Исходным для нее мог быть тот общий протограф *М-П* и Археографического извода, который можно представить, вслед за Тихомировым⁷¹, как некий новгородский сборник первой половины XIV в., в коем впервые складываются и объединяются в одной подборке *ПР ЗСЛ* и протограф Пушкинской группы рукописей *ПрП*. А.А. Зимин датирует сборник-протограф ранее, ближе ко времени создания содержавшегося в нем «Устава князя Ярослава о мостех», который он относит, вслед за В.Л. Яниным, к 1265-1267 гг.⁷²

Редактор Археографического извода *ПР ЗСЛ* не понял слово скот в его древнем значении деньги и обобщил его как некое материальное возмещение: «ино что». Как и многие современные комментаторы, он не понял глагол «примѣтати» и устранил его; впрочем, этот глагол не был понят, очевидно, уже составителем протографа (см. ниже). Наиболее примечательным нововведением *ПР ЗСЛ* была замена слова «портъ» на «топоръ». Как и некоторые современные комментаторы, он счел неудачным выражение «иже изломить ... портъ» и предложил созвучное и вполне логичное исправление. О том же, что это именно конъектура, а не изначальное чтение, как считал, например, М.Н. Тихомиров, свидетельствует согласие *КрП* и *М-П*⁷³.

71 Тихомиров М.Н. Пространные списки Закона Судного людем. *Закон судный людем Пространной и Сводной редакции*. М., 1961, 21, 27.

72 Зимин А.А. *Правда Русская*, 172-174.

73 Зимин А.А. *Правда Русская*, 290.

Взаимоотношение текстов *КрП* и *М-П* требует более пристального разбора. Слово «другу», являющееся избыточным в *М-П*, поясняет, что речь идет не о краже, а об использовании предмета с согласия хозяина и, во всяком случае, о его повреждении без дурного умысла. То же, однако, вытекает и из текста ст. 18 *КрП*; поэтому нет оснований утверждать, что слово «другу» было утрачено в *КрП*, а не дополнено в *М-П*. Дальнейшая же оценка соотношения между обоими текстами зависит от их общей интерпретации.

Смысл ст. 18 стал предметом споров, хотя начались они сравнительно поздно: все комментаторы XIX в. сходились на том понимании, которое отражает перевод Платонова, основанный на немецком переводе Эверса: «Если кто испортит у кого копьё, или щит, или одежду и пожелает испорченное оставить за собою, то хозяину взять за то с него скота. Но если бы он испорченного не захотел удержать за собою, то платить ему скота столько, сколько бы он сам заплатил за те вещи»⁷⁴. Нельзя сказать, что эта линия интерпретации была потом позабыта или отброшена⁷⁵. Однако, под влиянием работы Максимейко, стало распространяться другое понимание текста, которое нашло отражение в переводах Б.Б. Кафенгауза⁷⁶ и М.Б. Свердлова⁷⁷, во многом сходных, но не идентичных:

А если кто сломает копьё, щит, или испортит одежду и хозяин захочет удержать у себя, то он получает доплату деньгами за порчу; но если собственник отказывается от сломанной вещи, то пусть ему будет выплачено, сколько он дал при ее покупке. (Кафенгауз)

А если кто сломает копьё, или щит, или повредит одежду и захочет, чтобы он <хозяин> оставил у себя, то взять с него <виновного> деньги; но если тот, кто сломал, захочет приобрести, то пусть заплатит деньгами столько, сколько господин заплатил за это. (Свердлов)

Оба подхода сходятся в том, что в статье рассматриваются две возможных ситуации: человек, повредивший чужую вещь, либо удерживает ее за собой, либо стремится вернуть ее хозяину. В традиционном понимании, первым представлен тот случай, когда вещь остается за тем, кто ее испортил. Этот случай наиболее прост — очевидно, что следует выплатить хозяину стоимость вещи. Согласно же альтернативной интерпретации, изначально рассматривается тот случай, когда владелец сохраняет испорченную вещь за собой. Соответственно меняется понимание и второй

74 Правда Русская, т. II, 117–120.

75 Ср. недавно *Российское законодательство X–XX веков*. Т. I. М., 1984, 63.

76 *Правда Русская*, т. II, 117.

77 *БЛДР IV. Библиотека литературы Древней Руси* доступна в электронной форме на сайте Пушкинского Дома (без указания пагинации печатного издания).

части статьи: согласно традиционному подходу, речь в ней идет о возвращении поврежденного предмета владельцу, а согласно альтернативному, о его оставлении у повредившего.

Скажу напрямик, что я не вижу, как «альтернативные» переводы соотносятся с данными текста. В первой части статьи полностью переиначивается структура фразы; во второй ее части глагол «примѣтати», здесь «подбрасывать, возвращать»⁷⁸, переводится М.Б. Свердловым как «приобрести», а как его понимает Б.Б. Кафенгауз, догадаться трудно. Итак, резюмирую еще раз традиционное понимание текста, которое считаю единственно возможным. Тот, кто использовал предмет и его поломал, может оставить его у себя, возместив его цену; если же он захочет вернуть поломанный предмет владельцу, то он все равно должен полностью выплатить его стоимость. В первом случае необходимость полного возмещения очевидна и потому указывается как сама собой разумеющаяся; во втором случае поломавший мог потребовать скидки, поэтому и формулировка более эмфатична: денежное возмещение должно в точности соответствовать покупной цене предмета.

Та версия текста, что читается в *М-П*, являет собой неудачный пересказ ст. 18 *КрП*. В первой части статьи оба текста очень сходны, но затем непонимание глагола «примѣтати» порождает выражение «скотомъ примѣтати», которое можно передать по контексту как «дать деньгами» (примечательно, что редакторы *Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.* не приводят текст *МП*, хоть он и содержится в рукописи XIV в., и не пытаются объяснить это словосочетание). В результате меняется смысл второй части статьи, да и текста в целом. Из двух ситуаций, рассмотренных в ст. 18 *КрП*, остается лишь одна — повредивший чужую вещь оставляет ее за собой и выплачивает компенсацию владельцу. Однако, чтобы избежать полной тавтологии, редактор привносит новое условие: когда повредивший будет вносить деньги, ему следует выплачивать их перед свидетелями, которые способны удостоверить покупную цену поврежденного предмета («аще ли начнет скотомъ примѣтати, ему заплати<ти> предъ чадю, и<же> начнет вѣдати, колко будеть даль на немъ»).

Так вполне однозначно решается вопрос о направлении заимствования: тот вид текста, который читается в *М-П* и во вновь отредактированной форме в *ПР ЗСЛ*, является редакционной обработкой статьи 18 *КрП*. Изменения, внесенные каждым редактором, ясно показывают, что именно он затруднился понять в своем источнике.

Логика заимствования тоже очевидна. Ст. 18 — это единственная статья *КрП*, которая не находит даже самой отдаленной аналогии в *ПрП*,

78 *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. VIII. М., 2008, 506.

вне сомнения потому, что это также единственная статья *КрП*, где речь идет не о преступном деянии, а о чисто гражданском конфликте. Некий компилятор заметил, что подобной статьи нет ни в *ЗСЛ*, ни в *ПрП* (составлявших для него, по существу, единый текст), и счел полезным пополнить ею основанную на этих текстах юридическую компиляцию.

Это заимствование совершается в Новгороде, где в первой половине XIV в. возникает протограф *Пр ЗСЛ* в соединении с Пушкинской редакцией *ПрП*. В это время *КрП* во владычную летопись, как мы видели, еще не входит; создатель протографа использует некий список, тот же, наверное, который много лет спустя попадает в руки новгородского летописца. Таким образом, рассмотренное нами заимствование из *КрП* является своего рода «псковским Апостолом» *Краткой Правды*, единственным доказательством ее независимого существования вне *НПЛ мл.*

IV. О происхождении *ПрП*. Проблема кровной мести

Только в *КрП* просматривается некая структура, которую трудно проследить в *ПрП*. Четко выделяются первые 18 статей: как показывает оформление текста в *НПЛ мл.*, только к этим статьям относится заголовок «Правда рускаа», распространенный исследователями на всю *КрП*. Эта часть текста известна как «Древнейшая Правда». Затем следует заголовок: «Правда оуоставлена роуськои земли, егда ся съвокоупиль Изяславъ, Всеволодь, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула»⁷⁹. П.Н. Мрочек-Дроздовский был, кажется, первым, кто подметил, что с десятка статей, следующих после заголовка — о точном их числе шел потом спор — составляют единый блок, к которому и относится заголовок. Эти статьи содержат ряд законодательных мер по подавлению покушений на княжих людей и собственности, так называемый «Домениальный устав», ради принятия которых собрался княжеский съезд. Последние 10-15 статей *КрП* рассматриваются как разнородные и разновременные дополнения к постановлениям съезда⁸⁰. Альтернативой этому подходу, восходящей к открывателю *КрП* Татищеву и нашедшей себе недавно сторонника в лице А.А. Зимина, является признание единства второй части *КрП* (за исключением последних двух или трех ее статей) как текста, принятого на съезде князей. Однако съезд князей, сыновей Ярослава, упомянут также и в *ПрП*, но совсем в иной

79 *Правда Русская*. Под ред. Б.Д. Грекова. Т. I: *Тексты*. М., 1940, 115.

80 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 62-70.

связи. Если по логике *КрП* Ярославичи собираются для принятия мер по охране собственных людей и имущества, то согласно ст. 2 *ПрП* целью их съезда становится революционная реформа, о которой понятия не имеет составитель *КрП* — отмена кровной мести. Здесь мы сталкиваемся с ключевой проблемой построения *Правды русской*, неразрешимой как в рамках «ревизионистского», так и традиционного подхода.

Отмена кровной мести упоминается в самом начале *ПрП*, после первой статьи во многом сходной с *КрП*, где речь идет о кровной мести за убийство и о ее возможной замене на виру. В таблице ниже сопоставляются как сообщения о съезде, так и некоторые другие главы обеих Правд, которые могут быть полезны для дальнейшей аргументации.

КрП, 1. Оубьеть моужь мужа, то мьстити брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоучадоу, любо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову; аще боудеть роусинь, любо гридинь, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изьгой боудеть, любо словенинь, то 40 гривенъ положити за нь.

Правда оуоставлена роуськои земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодь, Святославъ, Коснячко, Перенъгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула.

19. Аще оубьють огнищанина въ обиду, то платити за нь 80 гривенъ оубици, а людемъ не надобъ; а въ подѣздномъ княжи 80 гривенъ.

20. А иже оубьють огнищанина в разбои, или оубица не ищють, то вирное платити, в неже *вири* [см. ниже] голова начнетъ лежати.

21. Аже оубьють огнищанина оу клѣти, или оу коня, или оу говяда, или оу коровѣ татьбы, то оубити въ пса мѣсто. А то же поконъ и тивуницю.

ПрП, 1. Аже оубиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривенъ, аче будеть княжь моужь или тиюна княжа; аще ли будеть русинь, или гридь, любо купецъ, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изьгой, ли словѣнинь, то 40 гривенъ положити за нь.

2. По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодь и мужи ихъ: Коснячко, Перенъгъ, Никифоръ отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все якоже Ярославъ судиль, такоже і сынове его оуоставиша.

[3]. О оубииствѣ. Аже кто оубиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, въ чей же верви голова лежить, то 80 гривенъ; паки ли людинъ, то 40 гривенъ.

11. О княжи мужѣ. Аже въ княжи отроци или в конюсѣ, или в поварѣ, то 40 гривенъ.

22. А въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ.	12. А за тивунъ за огнищныи и за конюшии, то 80 гривенъ.
23. А конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своем конюсѣ, егоже оубилѣ Дорогобоудци.	
24. А въ сельскомъ старостѣ княжи и в ратаинѣмъ 12 гривнѣ.	13. А в сельскомъ тивунѣ княжѣили в ратаинѣмъ, то 12 гривенъ.
25. А в рядовници княжѣ 5 гривенъ.	14. А за рядовича 5 гривенъ. Тако же и за боярескъ.
26. А въ смердѣ и въ холопѣ 5 гривенъ.	

Всю историю текстуального анализа *Правды русской* можно представить как серию безуспешных попыток, иногда весьма радикальных, разрешить головоломку, заданную столь разными представлениями о съезде Ярославичей, или обойти ее стороной.

Поистине соломоновым решением стало раздвоение известия и признание реальности двух съездов, из коих первый, известный по *КрП*, якобы прошел еще при жизни Ярослава, а второй, упомянутый в *ПрП*, «по Ярославѣ же паки», после его смерти. Первым эту идею высказал Н.И. Ланге, а за ним И.А. Стратонов⁸¹; оба датировали первый съезд 1035 г., ссылаясь на помещенное под этим годом у Татищева сообщение об участии сыновей Ярослава в выдаче законодательных грамот жителям разных городов. Из исследователей последних поколений идею о двух съездах поддержали С.В. Юшков и А.А. Зимин. Впрочем, Юшков явно запутался в этом вопросе. Он пишет о включении в *ПрП* постановлений «первого и второго съезда Ярославичей», однако традиционно датирует первый съезд (известный из *КрП*) 1072 г. и также отмечает, что «в 1073 г. умер Изяслав»⁸². Когда же, в таком случае, мог состояться второй съезд Ярославичей, автор не объясняет. Что же касается Зимина, то он вовсе не настаивает на достоверности сообщения Татищева и предлагает датировать первый съезд (отраженный в *КрП*) незадолго до смерти Ярослава, а второй (отраженный в *ПрП*) отождествляет по традиции как Вышгородский съезд князей 1072 г. Участие одних и тех же «мужей» в съездах, разделенных почти двадцатилетним промежутком, исследователя не смущает. Он столь же решительно отменяет основное затруднение, связанное с тем, что в заголовке «Домениального устава» Ярослав не упомянут: «Составитель *Краткой Правды* и одновременно Новгородского летописного свода, где она была помещена, не упомянул о Ярославе в заголовке устава, поскольку он уже раньше дал его. Но если в первой части *Краткой Правды* Ярослав был единоличным составителем, то во второй

81 *Правда Русская*, т. II, 247, 252.

82 Юшков С.В. *Русская Правда: происхождение, источники, ее значение*, 326 и 302-303.

(княжеском уставе) он выступал вместе с сыновьями. Поэтому сводчик и оставил запись о съезде княжичей, опустив имя их отца»⁸³. Чего только не приписывают своевольным новгородским летописцам!

Идея двух съездов, требующая дерзких допущений, широкого признания не получила, но альтернативой ей стало не менее радикальное утверждение, согласно которому съезд был в реальности один, а некоторая раздвоенность наших представлений о его целях есть следствие неисправности или даже неаутентичности заголовка в *КрП*. Первым подобную гипотезу высказал П.В. Голубовский⁸⁴, подробно ее обосновавший. Он предположил, что в тексте *КрП* содержалась изначально фраза сходная с той, что дошла до нас в ст. 2 *ПрП*, но из-за плохой сохранности текста некий переписчик не сумел разобрать ее конец (текст, выделенный курсивом). Для придания фразе целостности и смысла он от себя домыслил ей начало (текст, взятый в квадратные скобки), которое и заставляет нас думать, что Ярославичи собрались для принятия ряда законодательных мер («Правда уставлена»), тогда как на самом деле они приняли лишь одно решение — отменить кровную месть. Остаток же фразы (текст подчеркнутый) переписчик то ли не нашел в своем протографе, то ли просто, запутавшись, выкинул:

[Правда оуставлена роуськой земли,]
егда ся съвокоупиль Изяславъ,
Всеволодь, Святославъ, Коснячко,
Перенѣгъ, Микифоръ Кыянинъ,
Чюдинъ Микула.

По Ярославѣ же паки совкупившеся
сынове его: Изяславъ, Святославъ,
Всеволодь и мужи ихъ: Коснячко,
Перенѣгъ, Никифоръ *и отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати, а ино все, якоже Ярославъ судиль, такоже и сынове его оуставиша.*

А. Толочко с одобрением приводит построение Голубовского как редкий случай признания вторичности формулировки, содержащейся в *КрП*, по отношению к тексту *ПрП*⁸⁵. Хотя Голубовский и считал *КрП* в целом более древней, Толочко принимает его анализ как приложимый и к собственной концепции, с той лишь поправкой, что переписчик-редактор не только видоизменил сообщение о съезде, но и переставил его из начала Правды (как в *ПрП*) в середину: «нетрудно догадаться о причинах перемещения “исторической статьи” *КрП* ближе к середине текста: редак-

83 Зимин А.А. *Правда Русская*, 121-122 (с прим. 98), 190-193.

84 Голубовский П.В. Критико-библиографический обзор трудов по древнейшему периоду русской истории. *Университетские известия*. К., 1907/август, 43-80, 61-62.

85 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 58-59.

тору *НПЛ мл.* необходимо было “расчистить” место для “Ярославовой грамоты” 1016 г.». Встает вопрос: почему же редактор, коль уж он столь решительно вмешивался в текст, оставил в нем упоминание о Ярославичах и тем самым полностью разрушил иллюзию «грамоты Ярослава»? И главное, зачем же ему понадобилось отменить отмену кровной мести?

Построение Голубовского никем более поддержано не было, но сама идея, что заголовок Правды Ярославичей, ни для кого не удобный, может быть устранен, обрела популярность. Так Г. Барац считал заголовок «составленным лишь по ошибке писцов», а Л.К. Гетц (L.K. Goetz), приписав заголовок инициативе некоего книжника, отнес «Домениальный устав», да и всю *КрП* в целом, ко времени княжения Ярослава⁸⁶. По стопам Гетца недавно последовал М.Б. Свердлов, не сославшийся, впрочем, на своего раскритикованного за произвольные допущения предшественника. На неподлинность заголовка Правды Ярославичей указывает, по мнению исследователя, то, что «древнерусские правоведы в процессе составления *ПрП*» озаглавили последнюю «Суд Ярославль Володимеричь. Правда Русьская», «отнеся, таким образом, всю *Русскую Правду* (Краткую редакцию) к законодательству Ярослава Мудрого». На этом более чем шатком основании Свердлов сначала осторожно отмечает, что «заголовок о съезде Ярославичей ... в данном виде вызывает значительные сомнения в подлинности», а затем заявляет уже без колебаний, что, «как показано ранее», заголовок Правды Ярославичей был создан по домыслу летописца «в результате редактирования текста при включении его в состав *НПЛ мл.*»⁸⁷; таким образом, вся *КрП* оказывается сборником законов Ярослава.

Неизбежно встает вопрос, зачем же понадобилось столь значительному числу исследователей столь радикально вмешиваться в текст? Неужели обе Правды не поддаются сопоставительному осмыслению в той форме, в какой они до нас дошли? Перед тем как предложить читателю опыт подобного осмысления, добавлю к рассмотрению еще один немаловажный элемент уже не текстуального, а исторического порядка, не столько новый, сколько основательно и тщательно забытый.

Сторонники «раздвоения» княжеского съезда или видоизменения известия о нем в *КрП* с полным основанием указывают, что если съезд был один и текст сообщения о нем в *КрП* исправен, то получается, что составитель этого памятника ровно ничего не знал об отмене кровной мести, наиболее капитальной реформе русского права за всю его историю, ради которой князья и собрались на съезд согласно *ПрП*. Это наблюдение кажется тем более парадоксальным, что *КрП* считается составленной

86 *Правда Русская*, т. II, 125, 126.

87 Свердлов М.Б. *От Закона Русского к Русской Правде*, 26, 30, 84-85.

задолго до *ПрП*, соответственно ближе ко времени съезда. Сторонники единства съезда и сохранения текста *КрП*, коих явное большинство, если вообще касаются этого парадокса, то дают ему объяснения столь неоднозначные и запутанные, что я их комментировать не возьмусь. Не завидую студентами, которые должны были сдавать зачеты по данному вопросу на основе учебного пособия *Правда Русская*, вышедшего в 1940 г. под редакцией Б.Д. Грекова, где сообщение о съезде в *КрП* прокомментировано Г.Е. Кочинным (стр. 44-46), а ст. 2 *ПрП* Б.А. Романовым (стр. 55-57). Однако в комментарии Романова четко сформулирована идея исключительно редкая в работах, посвященных *Правде русской*. Автор указывает, что отмена кровной мести есть не более чем легенда, распространившаяся в историографии русского права с легкой руки составителя *ПрП*. Романов ссылается на Н.А. Максимейко (1914), который писал, что сообщение об отмене кровной мести в *ПрП* есть «по-видимому лишь предположение и догадка ее автора, а не действительный исторический факт»⁸⁸.

Еще один парадокс? Нисколько. В самом деле, кровную месть никто никогда в Киевской Руси не отменял. Первым к признанию этой реальности, неожиданной для читателя *ПрП*, подошел В.О. Ключевский, посвятивший *Правде русской* две главы (13 и 14) своего *Курса русской истории*. Хочу отметить, что эти главы, написанные именно историком, а не историком права, выгодно выделяются трезвостью и широтой взгляда на фоне не только современной ему, но и позднейшей историографии памятника. Итак, Ключевский отмечает, что текст ст. 2 *ПрП*, повествующий об отмене кровной мести, «представляет не подлинные слова законодателя, а их изложение, парафразу, принадлежащую кодификатору или повествователю, рассказавшему о том, как закон был составлен». Затем он указывает на любопытнейшую аномалию норм *ПрП*: в ней «нет и следа одной важной особенности древнерусского судебного процесса (...) — судебного поединка, *поля*. Между тем сохранились в древних источниках нашей истории следы, указывающие на то, что поле практиковалось как до Русской Правды [ссылка на Ибн Русту и Льва Дьякона], так и долго после неё.» Более того, «указания на практику поля появляются в памятниках русского права с самого начала XIII в.» (имеется в виду договор Смоленска с Ригой, Готским берегом и немецкими городами 1229 г., многие пенальные статьи которого близки *ПрП*). «Почему Правда не знает этого важного судебного средства, к которому так любили прибегать в древних русских судах? Она знает его, но игнорирует, не хочет признавать. Находим и объяснение этого неприятия. Духовенство наше настойчиво в продолжение веков восставало против судебного поединка как языче-

88 Цит. по *Правда Русская*, т. II, 251.

ского остатка, обращалось даже к церковным наказаниям, чтобы вывести его из практики русских судов: но долго, едва ли не до конца XVI в., её усилия оставались безуспешными»⁸⁹. Наконец, историк задается вопросом, который, увы, не ставится в работах юристов: «Но что такое месть, т. е. личная расправа по приговору суда? Если она соединялась с лишением обвиненного возможности защищаться, это было телесное наказание, исполнителем которого являлся сам обиженный; если же у обидчика оставалась возможность дать отпор мстителю, выходила драка сторон по приговору суда, т. е. нечто вроде судебного поединка». Вопрос этот капитален. Если обвиненный лишен защиты, то нет надобности устанавливать категории дееспособных мстителей (*КрП*, ст. 1): старуха-бабушка с мотыгой, памятная нам по «Семи самураям» Куросавы, вполне годилась на эту роль. Однако право на месть не давало права зарезать связанного или отравить обидчика втихую; оно осуществлялась в форме поединка, каковой являлся следствием отказа от денежной виры в пользу осуществления Божьего суда. Подчеркиваю, что сам Ключевский не отводил напрямую сообщение *ПрП* ст. 2, но очевидно, что его анализ подготовил почву для вывода, который сформулировали Максимейко и Романов.

В свете высказанных соображений старый спор о цели княжеского съезда (или съездов) получает однозначное решение. Съезд, конечно же, был один, и он собрался для принятия мер по охране княжих людей и имущества, известных как «Домениальный устав». Из этого вывода, за которым стоит определенная традиция, в свою очередь вытекает, что то представление о съезде, которое дает нам *ПрП*, является произвольным и ложным. Более того, картина съезда в *ПрП* была произвольно извращена не ради того, чтобы вставить задним числом в контекст древнюю реформу права, обстоятельства которой стерлись уже из памяти, а для того, чтобы попытаться задним числом эту реформу произвести или, скорее, создать иллюзию таковой реформы. Подобное признание стоит в резком противоречии с той картиной формирования *Правды русской*, что сложилась в работах исследователей за последние поколения.

Практически во всех работах, посвященных возникновению *Правды русской*, Киевская Русь представляется полем непрестанной не только законодательной, но и кодификационной активности. Кодификация изначально касается норм обычного права и происходит она на удивление рано. Уже в основе договоров руси с греками 911 и 944 гг., равно как и «Древнейшей Правды», промульгированной Ярославом, лежал, по идее

89 Об актуальности судебного поединка на Руси начала XV в. и о борьбе с ним церкви свидетельствует, в частности, послание митрополита Фотия в Новгород (от 10 августа 1410 г.), переизданное недавно по новой рукописи: Кистрев С.Н. *Лабиринты Ефросина Белозерского*. М., СПб., 2012, 371-374, см. с. 374.

Л.В. Черепнина, некий «древний законодательный кодекс», который, надо понимать, русы привезли с собой в Константинополь. Последующие уставы Ольги предположительно «представляли собой сборники правовых норм, предназначенные для судебных органов»⁹⁰. Л.В. Милов постулирует составление и запись древнейшей «Русской Правды» при князе Владимире⁹¹. В представлении М.Б. Свердлова, изначальная кодификация происходит в устной форме: сначала у каждого славянского племени возникает собственная Правда, а по мере объединения племен в государство эти Правды притираются и сливаются в общий Закон Русский. Правда автор усложняет картину утверждением, что процесс правдослияния протекал параллельно в двух древнерусских государствах, северном и южном. Получилось ли что-нибудь путное на севере — неясно, так как со славянами (словенами и кривичами) там сливались чудь, меря и весь, но зато славяне южные — «поляне, северяне, возможно, радимичи», неотягощенные чужеродным элементом, создали единый Закон Русский, который нашел себе применение в договорах с греками, а затем лег в основу письменной «Древнейшей Правды» Ярослава⁹².

Ни в одной из известных мне работ не ставилась под сомнение идея о том, что Правда Ярослава была промульгирована в письменном виде. Как недавно декларировал С.Л. Никольский, «Древнейшая Правда (или Правда Ярослава) знамену[ет] переход от дописьменной к письменной правовой традиции и явля[ется] важнейшей вехой в развитии права в период становления государства»⁹³. Что же касается формы ее промульгации, то она очевидна лишь для тех исследователей, которые признают в этой Правде грамоту, выданную Ярославом новгородцам. Те же исследователи, которые ничего специфически новгородского в первых 18-ти главах *КрП* не усматривают (см. выше), также не указывают, в какой форме этот «судебник» был обнародован и распространен. Признаваемая многими архаичность норм «Древнейшей Правды» на время княжения Ярослава создает дополнительную сложность. Так, например, М.Б. Свердлов описывает ее как «целенаправленную подборку юридических норм, специально отредактированную в качестве письменного нормативного акта — руководства для княжеского суда», однако подчер-

90 Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. *Древнерусское государство и его международное значение*. М., Л., 1965, 141-142, 151.

91 Милов Л.В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава). *Древнее право. Jus antiquum*. 1, 1996, 201-218 = Милов Л.В. *Исследования по истории памятников средневекового права*. Под ред. Б.Н. Флори и А.А. Горского. М., 2009, 125-152.

92 Свердлов М.Б. *От Закона Русского к Русской Правде*, 70-73.

93 Никольский С.Л. «Древнейшая правда» Ярослава: дружинное право в становлении государственного законодательства. *Ярослав Мудрый и его эпоха*. Ред. И.Н. Данилевский, Е.А. Мельникова. М., 2008, 55.

кивает в споре с С.В. Юшковым, что «развитие устного и писаного права отставало от общественного развития»⁹⁴. Зачем Ярославу понадобилось целенаправленно подбирать, специально редактировать и издавать в качестве руководства заведомо устарелые юридические нормы, автор не объясняет. Сам же Юшков, настаивая на том, «что основным источником Древнейшей Правды является не обычное право, а законодательство», и полагая «смысл издания особого Устава и его обнародования» именно в новизне заложенных в нем норм, также нисколько не сомневался в его письменной промугации⁹⁵. Отмечу попутно, поскольку этот факт нигде не афишируется, что столь тщательно составленный судебник, устав или кодекс занял бы при переписке не более странички, одной стороны пергаменного листа.

О последующих законодательных актах киевских князей и их кодификации высказано столько гипотез, что я откажусь от их пересказа⁹⁶. Однако следует упомянуть один центральный момент в историографии *Правды русской*, касающийся путей сложения обеих ее редакций. В дореволюционной науке господствовало представление о них как о частных компиляциях. В самом деле, для исследователей, знакомых с позднеримскими и раннесредневековыми законодательными актами и кодексами, было слишком очевидно полное отсутствие в обеих *Правдах* каких бы то ни было формальных признаков властной промугации. Напротив, в зрелой советской историографии вопроса восторжествовало мнение о *ПрП* (в *КрП* многими признавалось вмешательство летописца) как о плоде княжеской кодификации. В этом вопросе переломной стала книга С.В. Юшкова, где автор с первых же страниц заявляет, что «поскольку как в издании отдельных норм феодального права, так и в составлении сборника этого права должна была быть заинтересована русская феодальная знать, то надо признать официальное происхождение *Русской Правды*»⁹⁷. Далее Юшков журит М.Н. Тихомирова за определение *ПрП* как «юридической компиляции» и всего лишь «проекта закона»; представления о неофициальном характере *ПрП* клеймятся им как свойственные буржуазной науке и из позднейшей советской историографии исчезают⁹⁸. Попытки выявить в сложении *Правды русской* этапы, сопрягаемые с народными волнениями в Киеве и Новгороде, достигают апогея в работе Л.В. Черепнина, в представлении которого «длительный процесс сложения

94 Свердлов М.Б. *От Закона Русского к Русской Правде*, 82 (с пр. 1), 83.

95 Юшков С.В. *Русская Правда: происхождение, источники, ее значение*, 291.

96 Обзор: Baranowski G. *Die Russkaja Pravda*, 148-157.

97 Юшков С.В. *Русская Правда: происхождение, источники, ее значение*, 6.

98 Юшков С.В. *Русская Правда: происхождение, источники, ее значение*, 168-173, со ссылкой на: Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 229.

ния текста *Русской Правды* на базе более ранних княжеских сводов обрел завершение при князе Всеволоде Юрьевиче после новгородского восстания 1209 г.»⁹⁹. По мнению М.Б. Свердлова, «кодификация различных по происхождению источников права в цельном по структуре и содержанию своде» в целях «последовательного и всестороннего правового регулирования отношений в самых различных областях общественной и экономической жизни» (т.е. создание *ПрП*, которой это описание, пожалуй, льстит) соответствует времени «усиления государства и государственно-го аппарата» при князьях Владимире Мономахе (1113-1125) и его сыне Мстиславе (1125-1132)¹⁰⁰. Идею о *ПрП* как о «кодексе Мономаха», составленном после киевского восстания 1113 г., обосновывал А.А. Зимин¹⁰¹, чья книга, как уже упоминалось, была завершена написанием за долгие годы до ее публикации.

С критикой подобного подхода недавно выступил Л.В. Милов. После подробного обзора «историко-социальных» привязок *ПрП*, он не без основания указал на их «неизбежный субъективизм, который явно прослеживается в разноречивых оценках места и времени происхождения *ПрП*». В качестве альтернативы автор предложил исходить не из гипотетического социального, а из конкретного рукописного контекста или «конвоя» *ПрП*, а точнее, из того общеизвестного факта, что *ПрП* дошла до нас исключительно в составе *Мерила Праведного* и различных редакций *Кормчей книги*. Конкретно, Милов связал создание *ПрП* с составлением древнейшего *Мерила Праведного* митрополитом Никифором при Владимире Мономахе. Допустив столь явный уклон в сторону признания церковного происхождения *ПрП* (на котором настаивал Ключевский), автор ищет компромисс с современной ему историографической традицией, представляя *ПрП* как совместный труд светских и церковных властей: «новый ‘свод’ законов Древнерусского государства» (*ПрП*) составлялся совместно митрополитом Никифором и «окружением князя Владимира Мономаха» на базе «усилий древних юристов в области законодательства начиная с 1015 г.»¹⁰². Против подобной атрибуции можно возразить, что Владимир Всеволодович (Мономах) упоминается в *ПрП* (ст. 53) очень бегло, как автор устава о резах (процентах), без торжественных эпитетов, непременно сопровождающих имя правящего князя. Впрочем, есть и более весомая причина предложить для *ПрП* гораздо более позднюю дату.

99 Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда, 276-277.

100 Свердлов М.Б. *От Закона Русского к Русской Правде*, 166-167.

101 Зимин А.А. *Правда Русская*, 217-253.

102 Милов Л.В. О происхождении Пространной Русской Правды, *Вестник МГУ. Серия 8 (История)*. 1989/1, 3-29 = Милов Л.В. *Исследования по истории памятников средневекового права* / Под ред. Б.Н. Флори и А.А. Горского, М. 2009, 275-313, цитируются с. 278 и 309.

В своих хронологических построениях Л.В. Милов принимает без обсуждения за истину смелую гипотезу М.Н. Тихомирова, согласно которой пастырское послание, предваряющее *Мерило Праведное*, принадлежит митрополиту Никифору и адресовано князю Владимиру Мономаху. Поскольку в *Мерило Праведном* наличествует несомненный пласт конца XIII в., сборник по Тихомирову получался двуслойный, составленный в начале XII и дополненный в конце XIII в.¹⁰³ Совершенно иное представление о *Мерило Праведном* дает недавняя работа Г.А. Николаева, опознавшего в пастырском послании обширную цитату из предисловия к правилам Владимирского собора «1274 г.»¹⁰⁴. В качестве возможного составителя *Мерила Праведного* и автора вводного послания Николаев указывает создавшего собор митрополита Кирилла II (+1280), а быть может, и Серапиона (+1275), поставленного на соборе епископом Владимирским и вероятного автора — или несомненного соавтора — соборных правил¹⁰⁵. Наблюдения Николаева опровергают гипотезу Тихомирова о двуслойности *Мерила Праведного*, но, по правде говоря, и сам Тихомиров в позднейшей работе лишь мельком упоминает о возникновении *Мерила* на Руси «примерно в начале XII в.» и, главным образом, настаивает на том, что «в дошедшем до нас виде *Мерило праведное* — произведение конца XIII в.»¹⁰⁶.

Одним из деяний митрополита Кирилла II было распространение на Руси *Кормчей книги*, которую он выписал из Болгарии. Эта книга расходуется как в своей изначальной форме, так и в значительно переработанной Русской редакции, завершение работы над которой Я.Н. Шапов датирует ок. 1280 г.¹⁰⁷ Именно в этот контекст и ложится, согласно Тихомирову, создание *Мерила Праведного*, которое он определяет как «юридическое руководство для гражданских судов»¹⁰⁸, тогда как *Кормчая*, настольная книга епископа, являлась сводом церковного права. В позднейшей рукописной традиции *Мерило Праведное* зачастую вливалось в *Кормчую*, но изначальное, как следует из пастырского послания, оно предназначалось именно для светских властей. Принимая доводы Милова с необходимым хронологическим сдвигом в полтора столетия, я полагаю, что именно для

103 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 91-95.

104 Николаев Г.А. «Мерило Праведное» (Заметки о составе памятника). *Православный собеседник: Альманах Казанской Духовной Семинарии*, вып. 1(14), 2007, 74-83. О датировке собора 1273 годом см. Шапов Я.Н. *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв.* М., 1978, 183-184; о месте и обстоятельствах его созыва ср.: Печников М.В. К изучению соборных правил 1273 г. *Древняя Русь*, 38, 2009/4, 97-107.

105 Колобанов В.А. К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. *ТОДРЛ*. 16, 1960, 442-445.

106 Тихомиров М.Н. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига. *Вестник мировой культуры*. 3, 1957, 3-13 = Тихомиров М.Н. *Русская культура X-XVIII вв.* М., 1968, 173-184, см. с. 181.

107 Шапов Я.Н. *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв.*, 148-209.

108 Тихомиров М.Н. *Русская культура X-XVIII вв.*, 181.

Мерила Праведного, как русский эквивалент вошедшего в этот сборник *Закона судного людем*, и была создана *ПрП*.

Предлагаемый контекст возникновения *ПрП* позволяет, прежде всего, разрешить старую проблему ее текстуальной истории. Как известно, древнейший список *ПрП*, *Синодальный*, датируемый 80-ми годами XIII в. (а иногда, предположительно, 1280 или 1282 г.), содержит текст памятника, в котором группы глав расположены в ином порядке по сравнению со всеми остальными рукописями (и двух глав недостает). Этот разнобой объяснялся путаницей листов в протографе *Синодального списка*¹⁰⁹, однако уже Е.Ф. Карский справедливо указывал, что перемещенные сегменты текста иногда столь невелики, что не займут не только лист, но и страницу рукописи самого малого формата¹¹⁰. В то время как Зимин и не пытался предложить собственное объяснение¹¹¹, Толочко выдвинул идею о том, что редактор *Синодальной кормчей* сделал изначально выборку из *ПрП*, следуя порядку ее статей (1-17, 20-53, 56, 66-74, 88-95, 101-109), а затем, решив дать текст целиком, в том же порядке восполнил опущенные статьи (54-55, 57-65, 75-87, 96-100, 110-121), забыв лишь ст. 18-19¹¹². Неясно, однако, зачем бы ему понадобилось таким образом вмешиваться в текст. Проще признать вместе с Карским, что вид *ПрП* в Новгородской кормчей «указывает, как (...) постепенно нарастали статьи в этом памятнике», иными словами, отражает изначальный его состав¹¹³. Этот черновой вариант *ПрП* был перекомпонован и чуть дополнен перед включением в *Мерило Праведное*, а сам отслуживший, не нужный более текст, как это случалось и ранее¹¹⁴, был отправлен в Новгород, возможно, вместе с *Законом судным людем* и другими текстами, общими для *Мерила Праведного* и *Синодальной кормчей*¹¹⁵.

Следствия предложенного мной анализа для критики текста *ПрП* очевидны. Следует выделить Синодальный список из определенной В.П. Любимовым «Синодально-Троицкой группы» и признать, что согласие Синодального списка с рукописями Троицкой группы безошибочно дает первоначальное чтение. Те считанные чтения позднейших групп рукописей, противостоящие «Синодально-Троицкой», которые исследователи отстаивали как первоначальные (напр. расширение ст. 118, породившее ст. 119¹¹⁶), следует рассматривать как позднейшие модификации текста.

109 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 86-88; Юшков С.В. *Русская Правда: происхождение, источники, ее значение*, 144, и др.

110 Карский Е.Ф. *Русская Правда по древнейшему списку*. Л., 1930, 7-9.

111 Зимин А.А. *Правда Русская*, 156.

112 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 80-81.

113 Карский Е.Ф. *Русская Правда по древнейшему списку*, 8-9.

114 Ср.: Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи, 265.

115 Ср. Тихомиров М.Н. *Пространные списки Закона Судного людем*, 10-11.

116 Подробный обзор разночтений: Зимин А.А. *Правда Русская*, 153-190.

Главное же, однако, в том, что предложенный Миловым контекст создания *ПрП*, с указанной хронологической поправкой, позволяет объяснить метаморфозу, которую претерпели в этом своде статьи о кровной мести. *Мерило Праведное* было создано церковным иерархом — согласно Тихомирову, им мог быть епископ Тверской Симеон (1271-1289) — для наставления князя, светского судьи, и то же происхождение следует признать за *ПрП*. Очевидно, что в подобном контексте светское уголовное и процессуальное право подвергается переосмыслению в духе церковной морали.

Отвлекаясь на минуту от вопросов хронологии, укажу на ту логическую зацепку, которая позволила редактору связать отмену кровной мести именно с «Домениальным уставом». Как в свое время отметил Н.А. Максимейко, «Домениальный устав» впервые определяет категорию лиц, насильственная смерть которых может быть искуплена исключительно денежной вирой, зачастую очень высокой, не предусматривая возможность мести. В *КрП* это только княжья челядь, от верховных управляющих (огнищанина и тивуна) до сельских старост и смердов. Все это люди невоенные, зачастую лично несвободные, и вира за них, как принято считать, поступала самому князю. Они отчетливо противостоят «мужам» (термин часто комментировался), в отношении которых съезд 1072 г. судебный поединок не отменял и кровной мести вообще не касался. *ПрП* представляет решения съезда относительно княжьей челяди весьма сходно (см. таблицу выше), но добавляет еще одну категорию убитых, за которых взимается повышенная вира: княжьих мужей, то есть дружинников (ст. 3). Поскольку эта статья отсутствует в *КрП*, вряд ли она восходит к решениям съезда, являясь, скорее, результатом позднейшего их развития, однако было бы заблуждением считать, что и она уравнивает дружину и челядь, вводя обязательную выплату виры за всех. Чтобы понять специфику этой статьи, сравним представленный в ней случай с подробным рассмотрением возможных обстоятельств убийства огнищанина в *КрП*:

<i>КрП</i> 19. Аще оубьють огнищанина въ обиду,	20. А иже оубьють огнищанина в разбой, или оубица не ищють,	21. Аже оубиють огнищанина оу клѣти, или оу коня, или оу говяда, или оу коровѣ татьбы,	<i>ПрП</i> 3. О оубииствѣ. Аже кто оубиеть княжа мужа в разбой, а головника не ищють,
то платити за нь 80 гривенъ оубици, а людемъ не надобѣ;	то вирное платити, в неиже <i>вири</i> [исправлено из: вервей] голова наченъ лежати.	то оубити въ псамѣсто.	то виревную платити въ чѣеи же верви голова лежить, то 80 гривенъ;
а въ подѣздномъ княжи 80 гривенъ.		А то же поконъ и тивуницоу.	паки ли людинъ, то 40 гривенъ.

Согласно гл. 19 *КрП*, огнищанин может быть убит в результате личной ссоры, в открытой драке. Убийца в таком случае известен; он несет ответственность лично, и община (вервь) за него не в ответе. Согласно гл. 21, огнищанин может быть убит при исполнении служебных обязанностей, защищая княжий скот. Предполагается, что он выступает не один, и сопровождающей его княжьей челяди дается право прибить убийцу на месте, единственный дозволенный случай внесудебной расправы в *КрП*. Однако составитель *ПрП* выбрал себе за модель тот особый казус, который рассмотрен в ст. 20 *КрП*, когда огнищанина убивают «в разбой», то есть преднамеренно и без провокации, а убийца остается неизвестным (или не принимаются меры к его задержанию). Ясно, что ненайденного убийцу наказывать нельзя, зато можно наказывать вервь, где произошло убийство, якобы за нерадение в поисках преступника. Ясно также, что если лично мстить некому, то нет разницы между княжьим мужем и княжьим челядином — единственным возможным наказанием за их смерть был коллективный штраф. Полагаю, что и разница между обеими названными категориями осознавалась гораздо четче при Ярославичах, чем два столетия спустя. Итак, подметив, что законодатели «Домениального устава» нигде кровную месть не применили, составитель *ПрП* позволил себе заключить, что они ее вовсе отменили. Во всяком случае, судебный поединок, церковью осуждаемый, не мог найти себе место в составляемом им своде.

Итак, *ПрП*, как и *Мерило Праведное* в целом, составляется в тот короткий, но заполненный интенсивной литературной деятельностью промежуток времени, что отделяет собор 1273 г. от создания *Синодальной кормчей* едва ли десятилетие спустя. Более 170-ти лет тому назад сходно (хоть и на очень узкой источниковедческой базе) рассуждал А.Н. Попов: «разрозненные статьи *Правды*, выходившие постоянно с Ярослава до Владимира Мономаха включительно, в *Кормчей* [имеется в виду *Синодальная кормчая*, К.Ц.] были собраны в одно целое и сохранились до нас в виде так называемой полной *Правды*»¹¹⁷. Однако с тех пор все исследователи памятника подписались бы под словами Юшкова: «Вне всякого сомнения, что *Пространная Правда*, когда она была действующим источником права, переписывалась отдельно [от *Кормчей/Мерила Праведного*, К.Ц.]. Но эти списки не дошли до нас»¹¹⁸. Ни следов отдельного распространения *ПрП*, ни весомых аргументов в его пользу я, однако, не встречал. Более того, отмеченное мной произвольное превращение статей о кровной мести, которое никому, кроме составителя *Мерила Праведного*, отнести нельзя, ставит вопрос о соотношении *ПрП*

117 Попов А.Н. *Русская Правда в отношении к уголовному праву*. М., 1841, 31-32.

118 Юшков С.В. *Русская Правда: происхождение, источники, ее значение*, 34.

и тех гипотетических кодексов — Святославичей (1072 г.), Святослава Ярославича (1097 г.), Владимира Мономаха (1113 г.), Новгородского (1136 г.) и т.д. — которые множатся в работах исследователей. Неужели составитель *ПрП* не опасался, что первый попавшийся «древнерусский юрист» (таинственный для меня конструкт, популярный среди историков, но ни в одном источнике не упомянутый) уличит его в подлоге, сняв с полки любое из вышеназванных юридических пособий? Полагаю, что составитель *ПрП* ни мифические эти кодексы, ни вполне реальную *Краткую Правду*, которую он якобы развивал и надстраивал, в руках не держал и в глаза не видел. Но об этом подробнее в следующей главе.

V. *КрП* как мнемотекст. Покон вирный

Фундаментальным положением историографии древнерусского права является представление о *ПрП* как о некоей эманации *КрП*. Я бы затруднился дать более точное определение этой идеи, ибо авторы специальных работ не стремились конкретизировать для читателя пути претворения *КрП* в *ПрП*. Так, например, по словам М.Д. Приселкова, «все историки глубоко ценят Краткую редакцию именно как более древний этап жизни *Русской Правды*, в отношении к которому Пространная редакция предлагает нам и дальнейшее нарастание материала, и дальнейшую переработку статей Краткой редакции и, наконец, иное их расположение»¹¹⁹. Однако о какой переработке статей может идти речь, если В.П. Любимов признал отсутствие текстуальной преемственности между Краткой и Пространной редакциями и отказался от попытки составить их в стемму¹²⁰? Несомненной реакцией на эту, осмелюсь сказать, условность научной вульгаты стала концепция А. Толочко, согласно которой *КрП* являет собой сокращенный вариант *ПрП*, созданный для включения в новгородскую летопись¹²¹.

Как отмечает исследователь, эта идея высказывалась и ранее, хотя А.И. Соболевский был, кажется, единственным, кто попытался ее обосновать¹²². В своей короткой статье этот видный палеограф и знаток древ-

119 Приселков М.Д. Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской правды», 240.

120 *Правда Русская*, т. I, 30.

121 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 25. Толочко привлекает наблюдения Любимова в поддержку собственной концепции, но подобное их использование вряд ли правомочно: ведь равно как *ПрП* не может быть выведена из текста *КрП*, формулировки *КрП* независимы от текста *ПрП*.

122 Соболевский А.И. Две редакции Русской Правды. *Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой*. М., 1916, 17-23.

нерусского языка опирался, в первую очередь, на довод исторического характера: поскольку мы признаем *Правду рускую* плодом княжеского законодательства (Ярослава, его сыновей и внуков), а князь прежде всего заботится о собственных интересах, то первичной является та версия *Правды*, которая наиболее четко, с самой первой главы «устанавливает преимущества княжеских дружинников, чиновников, холопов». Аргумент этот спорен, а прочие доводы в пользу вторичности *КрП* по отношению *ПрП* высказывались слишком тезисно, чтобы породить серьезную дискуссию¹²³. Поэтому аргументация А. Толочко в целом немногим обязана его предшественникам.

По словам исследователя, «Краткая редакция *Правды руской* была создана, чтобы снабдить читателя летописи удобным и необременительным текстом “Ярославлей грамоты”», как «сжатый конспект текста *ПрП*»¹²⁴. Каким же образом осуществилось превращение *ПрП* в *КрП*? В главе, специально посвященной этому вопросу, А. Толочко стремится показать, что исходным для составителя *КрП* послужил текст *ПрП* в той форме, с переставленными сегментами (см. выше), что свойственна ее древнейшему Синодальному списку конца XIII в.¹²⁵ Исходный для *КрП* список был предположительно сходен с Синодальным не только по структуре текста, но и по его расположению на страницах рукописи. Однако ранее А. Толочко указал, что составитель *ПрП* располагал и более обычным по структуре текста списком, типа Пушкинского, из которого он извлек несколько специфических чтений¹²⁶. Итак, сличив оба списка, составитель *КрП* выявил сегменты, на которые была разбита *ПрП* при ее перекомпоновке в текст типа Синодального, и мысленно следуя этому делению, выписывал группы глав из различных сегментов поочередно. Под конец он выкраивал куски практически наугад: «он просто листал свой оригинал, выбирая либо первую, либо последнюю статью на странице». А. Толочко приводит и еще ряд соображений, пытаясь нащупать некий метод в безумии — так он определяет «процесс работы автора *КрП*»¹²⁷. Однако не могу не признаться, перефразируя описание известной булгаковской сцены, что «чем жизненнее и красочнее» становятся те подробности, которыми А. Толочко уснащает свой рассказ о действиях компилятора, тем менее я способен ему поверить. Простейшее, казалось бы, предприятие — сокращение текста *ПрП*, превращается в затею сумасшедшего филолога, усложненную до невероятия, а потому лишенную логики и смысла.

123 Обзор: Юшков С.В. *Русская Правда: происхождение, источники, ее значение*, 194-197.

124 Толочко А. *Краткая редакция Правды руской*, 109-110 и 77.

125 Толочко А. *Краткая редакция Правды руской*, 77-87.

126 Толочко А. *Краткая редакция Правды руской*, 74-76.

127 Толочко А. *Краткая редакция Правды руской*, 83, 84.

Я чувствую себя тем более вправе отвергнуть это построение, что А. Толочко сам в начале своей работы метко указал, что *КрП* дает очень целостное и последовательное представление о подсудном ей обществе. Приведу его вывод дословно:

Что же за общество возникает со страниц КрП? Это — общество, где не вступают в брак и не разводятся; общество, где не умирают и не делят наследство; где не торгуют и не зарабатывают деньги; общество, где фактически ничего не производят, а все разнообразие имущественных отношений сводится только к кражам. Что же делают в таком обществе? Это — исключительно мужское сообщество, члены которого избивают друг друга разнообразными способами, часто приводящими к убийствам. Также избивают и подневольных людей (смердов, челядь), отчего те бегут, их ловят и снова избивают. В свободное от драк время члены общества, согласно КрП, воруют. Вот, по существу, и все¹²⁸.

Это описание, исключительно важное для понимания природы *КрП*, подводит нас к вопросу: а как же соотносится образ древнерусского общества, представленный *КрП*, с тем, который являет нам *ПрП*?

В самом деле, если мы откажемся от деления на «сегменты», а просто ориентировочно поделим *ПрП* на три части, то окажется, что ее последняя треть (ст. 83-121) представлена в *КрП* одной единственной статьей — *Уроки мостнику* (*ПрП*, ст. 97), которой завершается *КрП* (ст. 43). В статьях, не представленных в *КрП*, речь в основном идет о судебной процедуре и о наследстве, о статусе женщин и холопов. В средней части *ПрП*, ст. 48-82, пропорция статей, представленных в *КрП*, возрастает до девяти из тридцати пяти, а расхождение в объеме в значительной степени объясняется отсутствием в *КрП* большой группы статей (*ПрП*, ст. 48-64), трактующих о займах, купцах и закупах. В начальной части *ПрП*, ст. 1-47, не менее двадцати шести статей, то есть более половины, находят себе соответствие в *КрП*. В этой части заметно отсутствие в *КрП* статей о дикой вире (*ПрП*, ст. 4-8), группы процессуальных статей (ст. 18-22), а также — что очень бросается в глаза — статьи о вире за убийство ремесленника (ст. 15) в списке вир, в целом параллельном в обеих *Правдах*. Становится очевидным, что если исходить из идеи А. Толочко о редукции *ПрП*, то о механически бездумном сокращении не может быть и речи. Пришлось бы признать, что компилятор работал над текстом внимательно и тонко, отбирая только те статьи, которые соответствовали образу общества, начертанному выше, и безошибочно отбрасывая те,

128 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 16.

весьма многочисленные, в которых члены общества женятся и наследуют, занимаются торговлей и ремеслом, совершенствуют судебную процедуру и даже указывают, что закупов (которых в *КрП* вовсе нет) следует бить только за дело. Эти несложные наблюдения заставляют отказаться от идеи о *КрП* как об «удобном и необременительном» «конспекте текста *ПрП*». Традиционное представление о памятнике как об отражении некоей более примитивной стадии развития древнерусского права — которое А. Толочко специально не разбирает и не опровергает — оказывается в общем и целом достаточно оправданным.

Ни реальный комментарий *КрП*, ни анализ отраженных в ней общественных отношений не являются целью настоящей статьи. Напомню, однако, что в недавней работе я показал, что указание размера виры за тяжелое увечье, сохраненное лишь в «Древнейшей Правде», в точности соответствует сумме штрафа, предусмотренного за подобное преступление в договорах руси с греками первой половины X в.¹²⁹ Таким образом подтверждаются реальность и архаичность норм первой части *КрП*, вывести которые из *ПрП* невозможно.

Предметом подробного разбора станет в этой главе *Покон вирный*, наиболее обширная по объему статья *КрП*. Последним словом советской историографии по ее поводу стал замечательный своей лаконичностью комментарий в авторитетном корпусе *Российское законодательство X–XX веков* (т. I, М. 1984, 63), каковой я привожу полностью: «*Покон вирный* представляет собой третью составную часть *Краткой Правды*. *Покон* определяет типичный для раннефеодального государства порядок кормления княжеского слуги-вирника. Время происхождения *Покона* датируют по-разному: временем княжения Ярослава или после его смерти». За отсутствием объяснения в комментарии, нам как раз и потребуется определить обязанности и порядок кормления вирника, а также выявить в тексте этапы его становления, в княжение Ярослава и позже. Однако мой особый интерес к этой статье мотивируется, прежде всего, ее показательностью для истории сложения *КрП* в целом.

Термин вирник не встречается вне *Правды русской*. Его словарные определения верно отражают выводы исследователей этого текста: «Лицо, назначенное князем для суда и сбора вир»¹³⁰; «Княжеское должностное лицо, проводящее следствие по уголовным делам и взимающее виру»¹³¹. Однако в той части, в которой эти определения расходятся, они, на мой взгляд, ошибочны. *Правда руская* не дает никаких оснований приписы-

129 Zuckerman C., On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo, *Ruthenica*, 10, 2011, 28–34.

130 *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. I. М., 1988, 436.

131 *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Т. II. М., 1975, 188.

вать вирнику ни следовательские, ни, тем более, судейские функции. Его обязанностью являлся сбор виры; по современным понятиям вирник был судебным исполнителем. Процедуры сбора виры посвящены ст. 42 *КрП* и ст. 9-10 *ПрП*, которые следует рассмотреть в сопоставлении:

КрП 42: А се поклонъ вирнии:

вирникуу взяти 7 вѣдоръ солодоу на недѣлю, тѣжеовень, любо полоть, или двѣ ногатѣ; а въ средоу рѣзаноу вѣже сыры, в пятницу тако же; а хлѣба по колькоу моугоуть ясти, и пшена; а куръ по двое на день;

конѣ 4 поставити и соути имъ на ротъ, колько могоуть зобати;

а вирникуу 60 гривень и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици; а передѣ гривна;

или ся пригоди в говѣніе рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ; тѣ всѣхъ коунъ 15 коунъ на недѣлю, а борошна колько моугоуть изъести; до недѣли же вироу сбероуть вирници; то ти оурокъ Ярославль.

ПрП 9: А се покони вирнии были при Ярославѣ:

вирникуу взяти 7 вѣдерь солоду на недѣлю, же овень любо полоть, любо 2 ногатѣ; а въ середу куна же сыръ, а въ пятницу тако же; а куръ по двою ему на день; а хлѣбовъ 7 на недѣлю, а пшена 7 оубороковъ, а гороху 7 оубороковъ, а соли 7 голважень: то то вирникуу соотрокомъ; а кони 4, конем на ротъ сути овесь; вирникуу 8 гривень, а 10 кунъ перекладная, а метелнику 12 вѣкшии, а съсадная гривна.

ПрП 10: Аже будетъ вира во 80 гривень, то вирникуу 16 гривень и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны.

Параллельное расположение текстов четче выявляет структуру каждого, подчеркивая элементы сходства и различия между ними. Обе версии *Покона вирного* представляют две системы расчетов: расчета суточных, которые выдавались вирнику продуктами питания, но могли быть пересчитаны и на деньги, и расчета комиссионных, которые он взимал в соответствии с суммой собранной виры. Заметно, что «автора» *Покона вирного* в *КрП* более всего интересовал расчет суточных, которому он посвятил дополнительный пассаж в конце, не имеющий параллели в *ПрП*, тогда как *Покон* в *ПрП* содержит более полный расчет комиссионных, которому посвящена дополнительная статья (ст. 10). Рассмотрим оба расчета по порядку, начиная с суточных. Напомню, что в монетной системе *КрП* 1 гривна=20 ногатам=25 кунам=50 резанам, а согласно *ПрП*, 1 гривна=20 ногатам=50 кунам (то есть куна заменяет по номиналу резану).

Начало текстов совпадает как по существу, так и во многих формулировках. Вирник получает довольствие на полную семидневную неделю. Только в *ПрП* упоминается «метелник», он же «отрок» вирника,

который кормится за счет тех же суточных; в *КрП* упомянут лишь вирник, но присутствие помощника подразумевается, так как все глаголы, описывающие потребление суточных, следуют во множественном числе («а хлѣба по колькоу моугоуть ясти», «а борошна колько моугоуть изъ-ясти»). Часть пайка вирник может получить деньгами. В среду и пятницу ему положено по резане (по счетной системе *КрП*) или по куне (которая равна резане в *ПрП*) на сыр, а на остальную неделю, баран или половина свиной туши, оцененные в 2 ногаты. Нетрудно подсчитать, что 2 ногаты = 2,5 куны = 5 резан на пять дней дают ровно ту же резану на день, что и в постные дни. Это логично, так как в среду и в пятницу вирник работает не больше и не меньше, чем во вторник или в четверг.

Предложенный расчет помогает лучше понять и тот пассаж, в *ПрП* не представленный, которым завершается *Покон вирный* в *КрП*. Создатель *КрП* проявляет особую заботу о соблюдении поста, на время которого он лишает вирника мясного довольствия и предлагает ему в качестве компенсации в «мясные» дни по семь резан на день «за рыбы». Между резаной на день, положенной за баранину или свинину, и семью резанами за рыбу диспропорция очень велика. Очевидно, во время поста вирник с подручным лишаются также и кур, но оценка двух кур в 6 резан кажется чрезмерной, если цельный баран или пол свиной туши были оценены на резану меньше. Я полагаю, что расценки на мясо, общие для *КрП* и *ПрП*, и расценки на рыбу в финальном пассаже *КрП* принадлежат к разным периодам и отражают процесс инфляции меховой гривны, на который мне уже приходилось указывать¹³².

Не менее, чем о соблюдении поста, создатель *КрП* заботится о соблюдении воскресного отдыха. Поэтому он привносит наказ вирникам закончить работу до воскресенья («до недѣли же вироу сбероуть вирници»), а для вящей наглядности исчисляет денежную компенсацию за продуктовое довольствие из расчета не на семь, а на шесть дней: как неоднократно отмечалось, сумма «тъ всѣхъ коунъ 15 коунъ на недѣлю» поста вытекает из подсчета $7 \text{ рез.} \times 4 + 1 \text{ рез.} \times 2 = 30 \text{ рез.} = 15 \text{ кун}$. Этот подсчет верен лишь формально, а не по существу. Благочестивый создатель *КрП* предполагает как само собой разумеющееся, что в среду и в пятницу вирник кур не получал, а потому в эти дни не считает необходимым их компенсировать. Однако беспристрастное прочтение текста, общего для обеих Правд, не оставляет сомнения в том, что куры были изначально положены на все семь дней недели. Таким образом в *КрП* возникают два дня в неделе разительно убыточные для вирника, не говоря уже о том, что в воскресенье он остается вовсе без мясного или рыбного доволь-

132 Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи, 286.

ствия. Любопытно, что в *КрП* именно эти нововведения непосредственно подкрепляются авторитетом Ярослава («То ти оурокъ Ярославль»), тогда как *ПрП* ссылается на него в начале статьи 9 как на законодателя, который ввел *Покон вирный* в целом.

О том, что «в Краткой Правде есть следы позднейших напластований, которых нет в Пространной», писал А.А. Зимин, справедливо добавивший: «Поэтому вряд ли ст. 9 *Пр. Пр.* непосредственно восходит к дошедшему до нас тексту Покона вирного Краткой Правды»¹³³. Однако я затрудняюсь определить, в каком объеме исследователь представлял себе эти напластования. Дело в том, что он указывает среди нововведений *ПрП*: «Наконец, снято было ограничение срока сбора виры неделей («до недели же виру сберуть вирници»). Это было сделано с целью пресечь возможность убийцы уйти от кары за преступление по истечении небольшого срока расследования»¹³⁴. Получается, что приведенную цитату из *КрП* Зимин причисляет к древнейшему слою *Правды*, тогда как выделить ее из окружающего «напластования» невозможно и она явным образом принадлежит к благочестивой правке составителя *КрП*, желавшего обеспечить соблюдение воскресного отдыха.

Та искусственная конструкция, вторичный характер которой в *КрП* столь явен, на практике, конечно же, никогда не применялась и применяться не могла. Однако она в высшей степени поучительна как непосредственная параллель той гораздо более радикальной ревизии древнего права в духе христианского благочестия, которую мы наблюдали в *ПрП* в отношении кровной мести. Составитель *КрП* не решился зайти столь далеко и на кровную месть не посягнул. Зато он основательно переработал диетарные предписания *Покона вирного*, который, как мы обнаружим, в его время уже вряд ли был актуален. Вероятно, по той же причине составитель *ПрП* и вовсе не коснулся этих предписаний, которые при близком рассмотрении шокировали бы и его.

ПрП также содержит детали, которые не имеют параллели в *КрП*. Право вирника и его помощника требовать «хлѣба по колькоу моугоуть ясти, и пшена», без сомнения, приводило к злоупотреблениям и породило ограничения, которые читаются в *ПрП*. К изначальному пайку там добавляются горох и соль, но все рационы ограничены в размере. Вторичный характер ограничительных инструкций подтверждается еще и тем, что помощник вирника назван в этом контексте не метелником (каковым было его официальное звание), а просто отроком. Эта эволюция вписывается в традиционную схему соотношения *КрП* и *ПрП* и никакой идейной окраски не несет.

133 Зимин А.А. *Правда Русская*, 238.

134 Зимин А.А. *Правда Русская*, 239.

Вторая серия расчетов касается исчисления комиссии вирника. Эти расчеты гораздо лучше и полнее сохранились в *ПрП*. В *ПрП* 9 не указан размер виры, на которую налагается комиссия. Однако, как не раз указывалось, вознаграждение судебного исполнителя равнялось пятой части взимаемой суммы. Если вирнику положены 8 гривен, то взыскивает он 40 гривен — виру за убийство или тяжелое увечье. Затем в *ПрП* следует статья (ст. 10) о сборе виры в 80 гривен: вознаграждение вирника, как и следовало ожидать, удваивается, остальные накладные расходы не возрастают, но добавляется побор в 3 гривны «за голову», в котором комментаторы усматривают компенсацию в пользу родственников убитого. Легко понять, почему две тесно связанные между собой расчетные ставки четко разделены в *ПрП*. *Покон вирный* представлен как учреждение князя Ярослава и, возможно, таковым и являлся. Виру же в 80 гривен ввели сыновья Ярослава, что дает основание представить ее отдельно. Любопытно отметить, что об обстоятельствах удвоения вирного тарифа за убийство определенной категории лиц мы узнаем исключительно из описания съезда Ярославичей в *КрП*, ибо в *ПрП* (ст. 2) тот же съезд описан как форум, запретивший кровную месть (см. выше). Таким образом, редактор *ПрП*, разводя обе виры в отдельные статьи, исходил не из собственного описания съезда Ярославичей, а «держал в уме» его описание, соответствующее *КрП*.

Оставленная мной пока без комментария фраза *КрП*: «а вирникоу 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици; а передѣ гривна» создает впечатление явной путаницы. Ни с чем не соотносимый сбор в пользу вирника, 60 гривен, породил немало теорий¹³⁵; он без сомнения несет в себе ошибку. А.А. Зимин исправляет в реконструируемом им тексте *КрП* 60 на 8, следуя *Покону вирному* в *ПрП*¹³⁶, но несомненно верно иное решение, на которое указал А. Толочко. Ошибка составителя *КрП* не могла быть зрительной: ни ѥ (8), ни ѥ̄ (80) нельзя принять за ѥ̇ (60). «Сумма “60” гривен в *КрП* появилась как результат ошибки самодиктовки “шестьдесят” вместо “шестнадцать”»¹³⁷.

Подведем теперь итоги нашего разбора *Покона вирного* в обеих *Правдах*. *ПрП* дает в целом исправный и стройный текст, описывая сначала состав довольствия вирника с указанием возможного возмещения части припасов деньгами, а затем комиссию вирника и ряд других выплат при взимании виры в 40 (ст. 9) и 80 (ст. 10) гривен. *Покон вирный КрП* начинается практически с того же описания довольствия вирника (это наиболее пространное текстуальное совпадение между обеими *Правдами*), в неко-

135 Тихомиров М.Н. *Исследование о Русской Правде*, 73.

136 Зимин А.А. *Правда Русская*, 361, ср. 126.

137 Толочко А. *Краткая редакция Правды русской*, 94.

торых деталях более изначального, чем в *ПрП*, а в конце содержит благочестивую конструкцию перерасчета довольствия в дни поста, искусственный «авторский» характер которой я, как надеюсь, показал. Однако наиболее показателен тот отрывок описания комиссии вирника, который вклинен в *КрП* между двумя пассажирами о его довольствии. Начисто лишенный смысла из-за искажения ключевой цифры, он генетически восходит к описанию комиссии за сбор виры в 80 гривен, а более древний и изначальный расчет, касающийся виры в 40 гривен, оказывается, таким образом, целиком утраченным. Остальные цифры обесмыслены почти полным выпадением объяснений относительно назначения взимаемых сумм. Понятно, что ни о каком практическом применении подобного «закона» не могло быть и речи¹³⁸.

Отмеченные искажения текста слишком обширны, чтобы пытаться их объяснить ошибками переписчика. Однако приведенное выше наблюдение А. Толочко наводит на иное решение, которое следует обобщить на весь текст *КрП*. Писец изначального текста *КрП* не переписывал его, а записывал, под диктовку или под самодиктовку, но без возможности сверки с письменным оригиналом. Сложные расчеты комиссии вирника плохо сохранились в его памяти, из-за чего расчеты за две различные виры слились в один, исказившись и утратив, как мы видели, важнейшие детали и смысл.

138 Сходные искажения наблюдаются в первой части ст. 41, которая предшествует *Покону вирному* в *КрП* и не имеет полного соответствия в *ПрП*: «А от гривни е [Насонов читает «гривние»] мечнику коуна, а в десятиною [в протографе *НЛ* мл. читалось «девятиною»] 15 коунъ, а князю 3 гривны; а от 12 гривною емъю 70 коунъ, а в десятиною 2 гривнъ, а князю 10 гривенъ». К объяснению второй части ст. 41 *КрП* привлекается ст. 74 *ПрП* о накладах: «А се наклады: 12 гривенъ, отроку 2 гривны и 20 кунъ, а самому ѣхати со отрокомъ на дву коню, сути же на ротъ овесь, а мясо дати овень любо полоть, а инѣмъ кормомъ, что има черево возметь, писцо 10 кун, перекладнаго 5 кунъ, на мехъ двѣ ногатѣ.» На фоне разнобоя мнений комментаторов полезно замечание А. А. Зимина (*Правда Русская*, 74 и прим. 111-112), что «статья 74 испорчена (непонятно, как «самому отроку» можно было ехать «со отроком»)). Проводя параллель со ст. 41 *КрП*, Зимин выдвигает предположение (впрочем, не новое), что отрок состоял подручным при мечнике, хотя именно эта параллель показывает, что взыскивать штраф в 12 гривен изначально надлежало емцу, которому и предназначались «2 гривны и 20 кунъ» (полагаю, что должность емца к моменту сложения *ПрП* давно канула в лету, что и объясняет наличный в ней конфуз). Из ст. 74 *ПрП* следует, что для взыскания суммы в 12 гривен высладалось два должностных лица (а не одно, как в *КрП*), а значит отрок и писец — это два альтернативных обозначения помощника емца. Указанный параллелизм позволяет объяснить и исчисление наклада, набавлявшегося на сумму штрафа в пользу сборщика. В ст. 41 *КрП* сумма в 12 гривен делится между князем (10 гр.) и церковью (2 гр.), а емец взымает дополнительно 70 кун, то есть 2 гр. 20 кун (напомню, что в *КрП* 1 гр. = 25 кун). Эта сумма кажется завышенной, так как комиссия сборщика начислялась в размере 1/5 от суммы штрафа, что составило бы 60 кун или 2 гр. 10 кун. Комиссия сборщика в ст. 74 *ПрП*, 2 гр. 20 кун, в пересчете на денежные единицы *КрП* (в *ПрП* 1 гр. = 50 кун), как раз и составляет 2 гр. 10 кун. Однако более внимательное сопоставление обеих статей показывает, что в *КрП* никакой ошибки нет. Дополнительные поборы, предусмотренные в *ПрП* (для писца, перекладное и за мешок), составляют 20 кун *ПрП*, то есть 10 кун *КрП*. Таким образом, выясняется, что ст. 41 *КрП* указывает общую сумму накладных расходов при взыскании штрафа в 12 гр. и эта сумма в точности соответствует указанной в ст. 74 *ПрП*.

И это отнюдь не единственные аномалии текста *КрП*, которые находят себе объяснение в рамках предлагаемой схемы. Не поддается никакой правке ст. 6 *КрП*, которую следует привести вместе со ст. 5: «5. Оже ли оутнетъ роукоу, и отпадетъ роука любо оусохнетъ, то 40 гривенъ. 6. Аще боудеть нога цѣла или начьнетъ храмати, тогда чада смирять». Думаю, что нет места для сомнения относительно смысла обоих законоположений. Нанесение раны, полностью лишаящей воина дее- и боеспособности, как то поражение руки или ноги, каралось наравне с убийством высшей вирой в 40 гривен, альтернативой которой являлась кровная месть. Из текста следует, что эта вира или эквивалентный ей судебный поединок могли иметь место лишь в случае утраты органа («отпадетъ роука любо оусохнетъ»). Если же рана полностью заживала или оборачивалась легким увечьем («боудеть нога цѣла или начьнетъ храмати») — что могло выясниться через много недель или месяцев после нанесения раны, то не только вопрос о выплате виры в 40 гривен отпадал, но и следовало удержать потерпевшего от попытки отомстить обидчику¹³⁹. Ту контракцию, смысловую и текстуальную, что мы наблюдаем в дошедшей до нас *КрП*, проще объяснить нечеткостью изначальной записи, чем утерей или искажением текста.

Иногда статьи *КрП*, формально сохраняя четкую конструкцию, сокращаются до потери смысла, например, ст. 39: «Оже сѣно крадоутъ, то 9 коунъ; а въ дровехъ 9 коунъ». В самом деле, если другие объекты краж, как то раба, конь, свинья или улей, обладают некоей средней штучной стоимостью, позволяющей определить возмещение (которое всегда указывается в *КрП*), то в отношении сена и дров ущерб зависит от размера кражи. Только из ст. 82 *ПрП* мы узнаем, что названная в *КрП* сумма составляет штраф, а возмещение за украденное насчитывается именно по этому принципу: «А в сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико боудеть возъ оукрадено, то имати ему за возъ по 2 ногатѣ». Сходное явление наблюдаем в ст. 36 *КрП*, где за покражу «куряти» назначается несоразмерно высокое возмещение в 9 кун, а штраф в пользу князя столь же высок, как и за кражу ладьи (ср. ст. 35): «А въ голоубѣ и въ коуряти 9 кунъ, а въ оуткѣ, и въ гоусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30 рѣзанъ; а продажи 60 рѣзанъ». Лишь из *ПрП*, ст. 81, мы узнаем, что кража связана с разорением чужих силков: «Аже кто оукрадетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястрябъ или соколь, то продажѣ 3 гривны, а господину гривна; а за голуь 9 кунъ, а за куря 9 кунъ, а за оутовъ 30 кунъ, а за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ». Речь идет, как уже указывалось комментаторами, не о курице, а о куропатке и о прочей дичи, оцениваемой выше, чем домашняя птица.

139 Zuckerman C., On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo, 29-31.

Наконец, всеми комментаторами отмечалось, что ст. 30 *КрП*, «Аще же приидеть кровавь моужь любо синь, то не искати ему послоуха», стоит не на месте, в контексте имущественных, а не телесных покушений, а главное, являет собой отрывок из ст. 2, которая начинается словами: «Или боудеть кровавь или синь надъраженъ, то не искати емоу видока челоуѣкоу томоу». Составитель *КрП* повторил этот процессуальный принцип среди статей «Домениального устава», забыв, что он уже записал его в более полном виде среди древнейших законоположений. Если бы текст *КрП* был отредактирован после первичной записи, подобного рода огрех был бы замечен и устранен. Но этого, очевидным образом, не произошло.

Совокупность приведенных наблюдений утверждает меня в мысли о том, что *КрП* возникла как запись бытовавших в устной передаче правовых норм, сделанная, вероятно, клириком со слов законоговорителя. Как уже неоднократно указывалось, *КрП* обладает четкой внутренней структурой. Первые 18 глав (по современному делению) излагают основные нормы древнего уголовного права, затем следуют те дополнения, что привнес в этой области «Домениальный устав», а в конце записаны — как мы видели, весьма несовершенно — ставки поборов, допущенных при сборе виры и при постройке или починке моста. Благодаря своей структуре, которая отсутствует в *ПрП*, этот короткий текст мог легко быть заучен законоговорителем наизусть. Именно структурированность *КрП* наводит на мысль, что она передавалась и в устной традиции в достаточно устойчивой форме, что я и подразумеваю под понятием мнемотекст.

Напомню, что идея об официальной промульгации *КрП* утвердилась среди советских историков права априорно, без попытки объяснить, как мог княжеский «кодекс» воплотиться в тексте, лишенном формальной структуры и идентификации князя-законодателя в преамбуле. Заголовок *ПрП* указывает лишь на существование традиции о «Суде Ярослава» — в значении древнейшего права, по которому Ярослав судил, а вовсе не созданного им «кодекса» —, которая и объясняет атрибуцию ему в летописи первых 18 глав *КрП*. В качестве законодателей упоминаются по ходу текста князья Изяслав, Всеволод и Святослав Ярославичи, а сам Ярослав назван в связи с установлением *Покона вирного*, причем в той его части, которую мы отнесли к творчеству самого составителя. Озаглавив свой текст «Правда рускаа», составитель опирал записанные им нормы на обычай, «покон» или «закон русский» договоров руси с греками, а вовсе не на авторитет князя, законодателя или кодификатора.

Также записью обычного права, только в более широком объеме, представляется мне и *ПрП*. Очевидно, однако, что этот текст являет собой не сырую запись со слов законоговорителя, а результат сбора и обработки традиционных правовых норм.

В 806 г. или немного позже Карл Великий пишет сыну Пипину: «Мы также слышали, что относительно некоторых постановлений (*capitula*), которые по нашему повелению были записаны в законе (*in lege scribi iussimus*), некие из наших и из ваших говорят, что поскольку мы никоим образом не довели это дело (*hanc causam*) до их сведения самолично (*per nosmetipsos*), то они не желают ни подчиняться им, ни покоряться, ни вообще признавать их за закон. Но ведь ведомо тебе, как мы обсуждали с тобой эти постановления, и потому мы призываем твою любящую преданность (*tuam amabile dilectionem*) оповестить их по всему царству, порученному тебе Богом, и приказать подчиняться им и осуществлять их (...)»¹⁴⁰. Разросшееся государство Карла не могло уже управляться по старинке, на основе устно оглашаемых законов, и Карл, как известно, начал распространять их в письменной форме. «Некие» люди Карла и короля Италии Пипина не пожелали подчиниться законоположению, которое было им предъявлено на пергаменном листке. Карл, чтя обычай, не стал с ними спорить и попросил сына, который был не только свидетелем, но и участником принятия закона (речь идет о повышении виры за убийство церковных лиц), огласить его устно, надо полагать, собрав всех тех, кому предстояло приводить этот закон в исполнение.

Приводя этот известный медиевистам пассаж, я отлично сознаю, что никакой Карл Великий не заставит моих читателей и на минуту вообразить, будто Ярослав мог ввести в силу *Покон вирный* в устной форме, а съезд князей был собран в 1072 г. именно затем, чтобы было кому лично разнести весть о вновь принятом «Домениальном уставе», и что никакой «древнерусский юрист» на съезде протокола не вел. И что, наконец, Владимир Мономах, собрав съезд, промульгировал на нем Устав о резах посредством устного оглашения, а вовсе не в форме спецвыпуска «Вестника Киевского веча», развешанного по заборам на больших кусках бересты. Но равно как ни один мой читатель не решится признать возможность устного издания и бытования законов в Киевской Руси (для столь передового государства это звучит уж слишком несерьезно), никто из них не в праве отрицать, что в современной ей Швеции дело обстояло именно так. Парой сравнительных замечаний я закончу свою статью.

Сопоставление между раннесредневековыми скандинавскими и древнерусским законодательствами проводилось в двух планах. Не-

140 *Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum*, I. Hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883, 212.

однократно ставился вопрос об их генетической связи: Закон русский Древнейшая Правда») рассматривался как эманация скандинавского дружинного права, а *КрП* в целом и *ПрП* — как его адаптация на славянской почве. Значимых результатов этот подход пока не дал: как подтвердил недавний критический обзор, проведенный Д. Штраухом, элементов, пригодных к сопоставлению, выявлено весьма немного¹⁴¹. Однако древнее право вышеназванных государственных образований, соседствовавших и сообщавшихся между собой, может быть сопоставлено также в плане структурном и стадиальном. Подобному анализу правовых норм посвящена диссертация С.Л. Никольского, «Развитие права в эпоху становления государственности: Древняя Русь и Скандинавия» (М., 2000); к сожалению неопубликованная, она известна мне только по автореферату, которого достаточно, чтобы убедиться в плодотворности указанного подхода. Автор разделяет традиционные представления о хронологии древнерусской «кодификации», которая, таким образом, опережает скандинавскую на столетие или два. Но если принять предложенную мною дату составления *ПрП* — дату записи да и практическое назначение *КрП* определить сложно, — то процесс перехода от устного законоговора к письменной фиксации юридических норм совпадает во времени в Скандинавии и на Руси.

В самом деле, в современных работах по древнерусской и скандинавской культурам, контраст в восприятии роли устного элемента исключительно резок. На Руси, как принято считать, законы «кодифицируются» на пергамене с X или с начала XI в., а «героические песни», будь то *Слово о полку Игореве* или *Задонщина*, обретают письменную форму с момента их создания. Напротив, в отношении Скандинавии общепризнано, что запись законов лишь начинается в XII в., а в основном падает на XIII в.; процесс же записи саг протекает столетия спустя после их создания, захватывая не только XIII, но и XIV в. Не будет преувеличением сказать, что дописьменный период древнерусской культуры воспринимается как некая предыстория, которая задерживает на себе внимание лишь в немногих областях (например, исследование древнерусского язычества), тогда как в истории Скандинавии — это полноправный этап культурного развития, привлекающий всесторонний ученый интерес. Оттого и тема перехода от бесписьменного периода к письменному ставится русистами

141 Strauch D. Schwedisches Landschaftsrecht und frühes Recht der Rus', *Wirkungen europäischer Rechtskultur. Festschrift für Karl Kroeschell zum 70. Geburtstag*. Hrsg. von G. Köbler, H. Nehlsen. München, 1997, 1275-1304 = D. Strauch, *Kleine rechtsgeschichtliche Schriften. Aufsätze, 1965-1997*. Hrsg. von M. Baldus, H.P. Neuheuser. Köln, 1998, 378-408. Автор берет за основу для сравнения записи шведского обычного права, а древнерусский материал, явно не владея русским, привлекает по обширному труду Л.К. Гетца (Goetz 1910-1914).

весьма редко¹⁴², а скандинавистами рассматривается повсеместно, в самых разных ее аспектах.

Не обладая специальными познаниями в области скандинавистики, я отсылаю читателя к работам, доступным и для тех, кто не владеет скандинавскими языками. В своем недавнем монументальном обзоре скандинавского права, Д. Штраух уделяет большое внимание процессу перехода от устного к письменному законопроизводству в каждой из рассматриваемых им стран; в отношении древнерусского права, с которым автор знаком из вторых рук, он, однако, разделяет традиционные представления о хронологии его кодификации¹⁴³. В более сосредоточенной форме интересующий нас круг проблем поставлен в работе С. Бринка, где переход от «устного общества» (oral society) к письменному в Скандинавии рассматривается на фоне параллельного процесса, проходившего ранее в странах Западной Европы¹⁴⁴. В нашей перспективе особенно любопытны замечания автора (основанные на работах его предшественников) о неизбежной трансформации, которую претерпевает закон в процессе его письменной фиксации. В самом деле, древние законы записывались не этнографами, а клириками, и не ради объективного сохранения, а практического применения. Те «клерикальные» вторжения в законодательные нормы как *ПрП*, так и *КрП*, которые я подробно отметил выше, скандинавистов бы не удивили.

Адепты социолингвистического моделирования могут сопоставить изложенные выше результаты с наблюдениями В.М. Живова относительно «неслиянного существования» или «противопоставлени[я] действующего автохтонного и недействующего церковнославянско-византийского права»¹⁴⁵, где отмечен и языковой аспект этого «дуализма» — оппозиция русских и церковнославянских юридических текстов¹⁴⁶. Как писал С.П. Обнорский, «в исчерпывающем анализе языкового материала [*ПрП*]

142 Как образцовый пример подобного рода постановки проблемы назову раннюю работу Д.С. Лихачева, в которой показывается, что письменные документы в дипломатическом обиходе Киевской Руси практически не использовались. Князьки «речи», передаваемые изустно, «могли запоминаться только при условии, что самые формулировки отдельных обстоятельств дела отличались лаконизмом, выразительностью и в известной мере традиционностью формы, облегчавшей и их понимание, и их передачу» (Лихачев Д.С. Русский посольский обычай XI–XIII вв. *Исторические записки*. 18, 1946, 42–55). То же верно и в отношении правовых норм, применяемых князем на суде по памяти или по совету сведущих людей, а не по бумажке.

143 Strauch D., *Mittelalterliches nordisches Recht bis 1500: eine Quellenkunde* (Berlin, 2011), 669–684.

144 Brink S., Verba Volant, Scripta Manent? Aspects of Early Scandinavian Oral Society, *Literacy in Medieval and Early Modern Scandinavian Culture*. Ed. by P. Hermann. Odense 2005, 77–135.

145 Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема, в: Живов В.М. *Разыскания в области истории и предистории русской культуры*. М., 2002, 296, 298.

146 Живов В.М. История русского права, 189. Живов разделяет, однако, мнение Б. Унбегауна, согласно которому русское право, восходящее к «древней славянской юридической традиции», «как будто только и ждало введения письма, чтобы быть закрепленным на бумаге», там же, 190. В этом важном пункте наши идеи разнятся.

мне пришлось столкнуться с полным отсутствием в тексте *Правды* церковнославянских наслоений»¹⁴⁷. А объясняется, как мы теперь видим, это тем, что русское право складывалось и функционировало целиком в устной сфере, в которой не было места для книжного переводного права. Я скажу даже больше: право горизонта *Правды русской* было действительно, лишь покуда оно оставалось устным. Величайшим заблуждением историков права является идея о том, что в тот период, когда *ПрП* активно переписывалась наряду с переводными кодексами (XIV-XVI вв.), она находила себе непосредственное практическое применение.

Сравнительный анализ с привлечением скандинавского материала может пролить дополнительный свет на природу обоих памятников древнерусского права, *КрП* и *ПрП*, но подобное исследование — дело будущего. Думаю — неблизкого будущего, равно как и в целом необходимый пересмотр поражающей стороннего наблюдателя традиционностью историографической концепции *Правды русской*.

École pratique des hautes études
Paris

147 Обнорский С.П. *Очерки по истории русского литературного языка старшего периода*. М., Л., 1946 = Обнорский С.П. *Русский литературный язык старейшей поры: лингвистический анализ памятников древнерусской словесности*. М., 2010, 6.